

Ирина Наумова Орёл в чужом гнезде

Орёл в чужом гнезде

Фиктивный жених

Ирина Наумова

Ирина Наумова

Орел в чужом гнезде. Фиктивный жених

<https://litres.ru/74320579>

Аннотация

— Надя, это не то, что ты думаешь! Я просто проверял... несучесть! — орал мой благоверный, пытаясь вылезти из корзины с битыми яйцами. Брюки спущены, любовница визжит, гости снимают на телефоны. — Несучесть ты свою проверил, Юра, — ответила я, поудобнее перехватывая березовую метлу. — А теперь проверим твою летучесть! Юбилей удался на славу: муж с позором изгнан, ферма на мне, а вся деревня делает ставки, когда я завою от тоски. Не тут-то было! На пороге нарисовался младший брат бывшего. — Хочешь, чтобы у Юрки глаз задергался? — спокойно предложил Виталий, отбирая у меня тяжелый мешок с кормом. — Давай сделаем вид, что у нас роман. — Ты с ума сошел? Я на 10 лет старше тебя. — Это даже к лучшему.. А Юра пусть подавится своей завистью. Мы договорились играть на публику. Но почему тогда от его «фиктивных» поцелуев подкашиваются ноги, а гусь Тайсон перестал шипеть и признал в нем хозяина? В тексте есть: Измена и мгновенная карма Разница в возрасте (герой младше и горячее!) Фиктивные отношения,

ставшие настоящими Боевой гусь и море деревенского юмора ♥#
ХЭ (Счастливый конец) обязателен!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2(Юрий)	15
Глава 3	23
Глава 4	33
Глава 5	41
Глава 6 (Виталий)	49
Глава 7	57
Глава 8(Юрий)	66
Глава 9	74
Глава 10	85
Глава 11	93
Глава 12	100
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Глава 1

Пять утра в деревне Ясное не наступают — они обрушиваются. Сначала тонким, дребезжащим сопрано соседского петуха, затем — тяжелым, басовитым гоготом нашего Тайсона. Тайсон не просто гусь, он — совесть и карательная инспекция фермы «Орлиный двор». И если он решил, что пора вставать, значит, надежды на лишние десять минут сна тают быстрее, чем утренняя роса на лопухах.

Я откинула одеяло, чувствуя, как привычно ноет поясница. Десять лет назад, когда мы с Юрой только купили этот участок, мне казалось, что жизнь в деревне — это сплошные завтраки на веранде и соловьиные трели. Реальность же пахла комбикормом, дезинфектором и нестиранными рабочими перчатками.

Юра рядом даже не пошевелился. Он спал красиво: раскинув руки, чуть приоткрыв рот, прямой нос гордо вздернут вверх. Мой «Орёл». Это прозвище прилипло к нему еще в первый год, когда он, выпятив грудь, вещал на сельском сходке о «инновационном птицеводстве». С тех пор инновации свелись к тому, что я вела бухгалтерию, договаривалась с закупщиками и знала по именам каждую из пятисот несушек, а Юра... Юра олицетворял успех.

Я натянула старые джинсы, вытертые на коленях, и футболку, которая давно перешла в разряд «для сарая». Зерка-

ло в прихожей я постаралась миновать по касательной, но взгляд все равно зацепился за отражение. Бледная кожа, тени под глазами, волосы, собранные в тугую, небрежный пучок. Тридцать четыре года? Иногда мне казалось, что все семьдесят.

На улице август дышал густым, перегретым зноем, который еще не успел остыть за короткую ночь.

— Ну чего орешь, чудовище? — пробормотала я, подходя к загону.

Тайсон вытянул шею, зашипел, но, узнав меня, коротко и важно кивнул. Этот гусь был единственным существом на ферме, которое Юра всерьез побаивался. Тайсон чувствовал фальшь. Стоило мужу выйти во двор в чистых туфлях и начать раздавать указания, как гусь шел в атаку, целясь ровно в лодыжку.

Следующие три часа слились в один бесконечный конвейер. Проверить поилки, осмотреть инкубаторы, проконтролировать Михалыча — нашего единственного постоянного работника. Михалыч, мужчина неопределенного возраста с вечным запахом перегара и философским взглядом на жизнь, уже возился у дальних клеток.

— Надь, третья секция опять барахлит, — прохрипел он вместо приветствия. — Насос чинить надо. Юре скажешь?

— Сама посмотрю, Михалыч. Юре сегодня некогда, у нас послезавтра гости. Нужно два дня на подготовку. Юбилей свадьбы, забыл?

Михалыч сплюнул в пыль и посмотрел на меня с какой-то странной жалостью.

— Помню. Десять лет в одной упряжке. Тяжело тебе, девка.

Я промолчала. Обсуждать мужа с работником — последнее дело. Даже если спина кричит от боли, когда ты тащишь двадцатикилограммовый мешок с витаминными добавками, потому что «тактика важнее физического труда», как любит говорить Юра.

В дом я вернулась к восьми часам. На кухне уже вкусно пахло кофе. Юра сидел за столом, сияя свежевыбритыми щеками. На нем была белоснежная рубашка — я гладила её вчера до полуночи, выравнивая каждый стежок.

— Наденька, — он лучезарно улыбнулся, не отрываясь от экрана смартфона. — Поставь яичницу, а? И бекон поджарь получше. У меня сегодня важный день, надо подзаправиться.

Я молча подошла к плите. Мои руки, со следами въевшейся пыли и мелкими царапинами от клювов, контрастировали с идеальной белизной столешницы.

— Какие дела, Юр? Поставщик напитков звонил, они задерживают доставку к празднику. Надо бы съездить в райцентр, подтолкнуть их.

Юра наконец поднял глаза. В них читалось легкое, едва уловимое раздражение, которое он мастерски маскировал

под снисходительность.

— Надь, ну ты же у меня умница. Ты со всеми договоришься. А мне нужно к портному, забрать костюм. И в парикмахерскую — Орёл должен выглядеть на все сто перед гостями. Брат ведь завтра приезжает. Виталька пять лет дома не был.

— Виталий приедет с девушкой, — напомнила я, переводящая бекон. — Римма, кажется?

— Да, городская штучка. Виталька говорит, модель или блогер, я не вникал. Представляешь, какой контраст? Они приедут из своего бетона в наше «родовое гнездо». Должны увидеть, что мы тут не лаптем щи хлебаем.

Юра подошел сзади, мимоходом приобнял меня за талию. Я на мгновение прикрыла глаза, ожидая тепла, но он тут же отстранился, заметив пятно муки на моей футболке.

— Ох, Надя... Ты бы хоть переоделась. Весь аппетит портишь этим своим видом «рабочего класса».

Он ушел в комнату, оставив меня одну на кухне. Обида кольнула где-то под ребрами, но я привычно загнала её вглубь. Мы же семья. Мы строим бизнес. Юра — лицо нашей компании, его задача — производить впечатление. Моя — чтобы это впечатление было на чем строить. Так он говорил в самом начале, и я верила.

Весь день прошел в бешеном ритме. Телефон разрывался. Тетя Шура, соседка и по совместительству главная сплетни-

ца Ясного, позвонила трижды.

— Надюш, — вкрадчиво ворковала она в трубку. — А правда, что Виталька-то бабу свою везет? Говорят, красавица писаная, из телевизора прямо. Ты уж не ударь в грязь лицом, приготовь чего подороже. А то Юрка твой вчера в магазине хвалился, что вы теперь миллионщики.

— Справимся, тетя Шура, — сухо отвечала я, вытирая пот со лба.

К обеду жара стала невыносимой. Птицы в вольерах притихли, только Тайсон важно патрулировал двор, периодически покрикивая на Михалыча. Юра уехал в город на нашем внедорожнике — блестящем, черном, который он мыл чаще, чем интересовался здоровьем кур. Я осталась один на один с горой заготовок.

Мариновала мясо, пекла коржи для огромного торта. Кухня превратилась в филиал ада. К четырем часам дня у меня начали дрожать руки. Я присела на табурет, глядя на свои ладони. Ногти коротко острижены, кожа сухая, несмотря на все кремы. Послезавтра — десять лет со дня свадьбы. Оловянная годовщина. Говорят, это металл гибкий, но крепкий. Наверное, это про меня. Я прогибалась под Юрины амбиции, под нужды фермы, под обстоятельства, стараясь не сломаться.

Юра вернулся под вечер. Он был в превосходном расположении духа. Занес в дом пакеты с дорогим алкоголем и свой новый костюм в чехле.

— Надя! Посмотри, какой крой! — он вытащил пиджак стального цвета. — В нем я буду выглядеть как настоящий владелец империи.

— Красиво, — тихо сказала я, продолжая резать салат.

— Кстати, — он подошел к холодильнику, достал холодную воду. — Виталька написал, они уже выехали. К утру будут. Римма хочет фотосессию на фоне сена. Организуй там завтра, чтобы тюки лежали живописно, ладно? И Тайсона запри, не дай бог напугает её.

— Тайсон — наш охранник, Юр. И он не любит, когда его запирают.

— Надя, не спорь. Римма — гостья. Она должна чувствовать себя как в Куршевеле, а не в курятнике.

Он прошелся по кухне, критически осматривая мои заготовки. Поправил тарелку, сдвинул нож. Каждое его движение сквозило хозяйским превосходством. Я чувствовала, как внутри закипает что-то холодное и острое, но усталость была сильнее.

Вечер опустился на Ясное внезапно, принеся с собой запах маттиолы и пыли. Я наконец закончила с уборкой. Дом блестел. Каждое окно вымыто, каждая салфетка накрахмалена. Я вышла на крыльцо, чувствуя, как гудят ступни. Ночная прохлада приятно холодила кожу.

Тайсон сидел неподалеку, спрятав клюв под крыло. Услышав меня, он приоткрыл один глаз, издал негромкое «квох» и снова уснул.

— Вот и всё, дружок, — прошептала я. — Скоро праздник. Десять лет.

Из дома вышел Юра. Он уже переоделся в домашнее, но даже в халате умудрялся выглядеть так, будто позирует для журнала «Успешный фермер». Он встал рядом, закурил дорогую сигарету. Дым поплыл в неподвижном воздухе.

— Хорошо тут, — снисходительно заметил он. — Но скучновато. После юбилея надо будет подумать о расширении. Может, страусов заведем? Виталька говорит, это сейчас золотая жила.

Я посмотрела на него в профиль. В свете настенного фонаря он казался тем самым парнем, в которого я влюбилась двенадцать лет назад на студенческой дискотеке. Тогда он обещал мне горы свернуть. И свернул — только моими руками.

— Юр, — я осторожно коснулась его руки. — Ты помнишь, как мы праздновали первую годовщину? Денег не было, мы просто купили ведро крылышек и сидели на берегу речки.

Он поморщился, как от зубной боли.

— Зачем вспоминать нищету, Надь? Это было давно и неправда. Сейчас мы — Орловы. У нас репутация.

Я вздохнула. Мне хотелось, чтобы он просто обнял меня. Прижал к себе, поцеловал в макушку и сказал, что всё это — ферма, дом, достаток — не имело бы смысла без меня.

Юра затушил сигарету о перила (хотя я просила этого не делать сотню раз) и повернулся ко мне. Он внимательно осмотрел меня сверху вниз, и его губы скривились в странной усмешке.

— Знаешь, Надь... Глядя на тебя сейчас...

Моё сердце на мгновение пропустило удар. Неужели заметил? Неужели оценил мои старания?

— Ты бы завтра хоть маску на лицо налепила, что ли, — продолжил он, и его голос звучал обыденно, почти заботливо. — Кожа серая, круги под глазами как у панды. Завтра люди придут серьезные. Виталий, Римма... Она ведь модель, за собой следит. А ты у меня как доярка с плаката восьмидесятых. Честное слово, Надь, не позорь меня перед братом. Приведи себя в божеский вид.

Он похлопал меня по плечу — так хлопают верную, но порядком износившуюся лошадь — и ушел в дом.

Я осталась стоять на крыльце. Сверчки в траве продолжали свою безумную серенаду, где-то вдалеке залаяла собака. Слова Юры медленно оседали в сознании, как едкая пыль. «Не позорь меня». «Доярка».

Я посмотрела на свои руки. На них была кровь — я случайно порезалась ножом, когда шинковала капусту, и даже не заметила. Маленькая, алая капля на фоне огрубевшей кожи.

Десять лет я строила этот «Орлиный двор». Я была фундаментом, стенами и крышей. А Юра... Юра был флюгером,

который просто указывал направление ветра и громко кукарекал о своих успехах.

Я не заплакала. На слезы просто не осталось сил. Я зашла в дом, прошла мимо спальни, где Юра уже наверняка уютно устроился под одеялом, и заперлась в ванной.

Включила холодную воду, умылась. Из зеркала на меня смотрела женщина, которую я не знала. У неё были мои глаза, но в них больше не было того мягкого, всепрощающего света. Там осталось что-то другое. Тяжелое, свинцовое спокойствие человека, который привык тянуть лямку, чего бы это ни стоило.

Я достала из шкафчика за зеркалом баночку с кремом — дорогую, подаренную когда-то подругой и бережно хранимую для «особых случаев». Пальцы, сохранившие запах комбикорма и дезинфектора, казались чужими, когда я втирала прохладную субстанцию в щеки. Доярка? Пусть так. Главное — выдержать этот двухдневный марафон. Сделать так, чтобы скатерти хрустели, чтобы жаркое таяло во рту, чтобы гости ахали, глядя на наше процветающее хозяйство. Чтобы Юра мог и дальше расправлять свои «орлиные» крылья, не замечая, на чьих костях держится его полет.

Я вышла из ванной и заглянула в спальню. Муж спал, закинув руку за голову, безмятежный и уверенный в своем праве на лучший кусок жизни. В слабом свете ночника он казался почти трогательным.

— Всё будет по высшему разряду, Юра, — тихо прошеп-

тала я, поправляя сползшее одеяло. — Я очень постараюсь.

Я легла на самый край кровати, чтобы не потревожить его сон, и закрыла глаза. Тело ныло, требуя отдыха, но мысли всё равно крутились вокруг меню и рассадки гостей. Нужно не забыть достать парадный сервиз. Нужно проверить, хватит ли стульев. Нужно...

За окном окончательно стихла деревня. Только Тайсон во дворе иногда издавал короткий, бдительный звук, словно пересчитывал звезды над «Орлиным двором».

Завтра приедет Виталий. Завтра приедет Римма. Завтра нашему браку исполнится десять лет. И я была полна решимости сделать этот день по-настоящему незабываемым для нас двоих. Просто потому, что Орловы всегда держат марку.

Сон пришел внезапно, тяжелый и без образов, провалив меня в небытие до самого рассвета, когда первый луч солнца коснулся вывески над нашими воротами. Праздник начался.

Глава 2(Юрий)

(от лица Юрия)

Зеркало в нашей спальне никогда не лгало. Оно послушно отражало то, что я хотел видеть: мужчину в самом расцвете сил, с волевым подбородком и тем самым взглядом прирожденного лидера. Завтра — великий день. Наша оловянная свадьба. Ровно десять лет с того момента, как я привез Надьку в этот глухой угол и пообещал, что мы построим империю.

И я слово сдержал. Завтра к обеду сюда съедутся все: нужные люди из райцентра, поставщики, дальняя родня. Будут смотреть на мои новые зеленые ангары, на внедорожник во дворе, пить мой дорогой коньяк и завидовать. Но это завтра. А сегодня у нас, так сказать, генеральная репетиция и семейный разогрев. Вечером приезжает Виталька — мой младший брат.

Я пригладил виски, любуясь легкой сединой. Она не старела, она добавляла благородства, как выдержанному напитку. Где-то внизу, на первом этаже, глухо звякнула посуда, слышался резкий голос Нади, отдающей распоряжения нашему вечно помятому работнику Михалычу. Я поморщился.

Надя... В последнее время она стала слишком шумной, слишком земной. В ней не осталось той легкости, которая когда-то зацепила меня. Она превратилась в деталь механиз-

ма — надежную, отлично смазанную, но совершенно лишенную блеска.

Спустившись вниз, я застал на кухне привычный хаос. Жена металась между плитой и огромным столом, заваленным нарезками. На лбу у неё выступила испарина, домашняя футболка в пятнах муки перекосилась. Она выглядела... функционально. Как старый верный трактор, который безропотно тянет плуг.

— Надь, — я остановился в дверях, застегивая манжеты чистой белой рубашки. — Я в город. Дел по горло.

Она обернулась, вытирая руки о полотенце. В глазах мелькнула усталость, которую она даже не пыталась скрыть.

— Какие дела, Юр? Поставщик напитков задерживает доставку на завтра. Надо бы съездить, подтолкнуть их.

— Ты же у меня тактический гений, вот и решай вопросы по телефону, — я снисходительно улыбнулся, подходя к столу и перехватывая кусок сыра. — А у меня стратегия. Мне к парикмахеру нужно, потом костюм стальной из ателье забрать. Завтра я должен выглядеть как хозяин жизни, а не как зачуханный колхозник.

Надя промолчала, только губы плотнее сжала.

— Значит так, расписание следующее, — продолжил я тоном начальника. — Весь день я мотаюсь по городу, готовлюсь. Поезд Витальки прибывает в семнадцать тридцать. Я встречаю их на вокзале и сразу везу сюда. Так что ужин на-

крывай к семи. И постарайся к их приезду... ну, не знаю, смыть с себя этот запах птичника. Римма — девушка городская, утонченная. Не надо пугать её суровыми буднями фермерства с порога.

Я вышел во двор, полной грудью вдыхая горячий утренний воздух. Мой «Орлиный двор» сверкал на солнце. Черный внедорожник ждал меня у ворот, вымытый до такого блеска, что в нем отражалось всё село Ясное. Я сел в салон, и запах дорогой кожи мгновенно вытеснил все деревенские ароматы. Это была моя зона комфорта.

День пролетел именно так, как я любил: в заботе о себе. Барбершоп в центре города, где мне сделали идеальную укладку, потом вкусный обед в ресторане, примерка костюма. Я наслаждался своим статусом.

К пяти часам вечера я неспешно вырулил к железнодорожному вокзалу.

Виталий... Младший брат. Вечный студент в душе, проектировщик каких-то там заумных конструкций. Я всегда считал его слабаком. Слишком много книг, слишком мало хватки. Живет в своей арендованной конуре, рисует чертежи за копейки. Я пригласил его на юбилей не из большой братской любви, а чтобы показать: смотри, Виталя, чего может добиться мужик, пока ты витаешь в облаках.

Я припарковался у самого перрона, нарочито заняв два места. Вышел из машины, оправил рубашку и посмотрел на часы. Поезд из столицы прибывал минута в минуту.

Когда состав закрипел тормозами, я не сразу узнал брата. Виталий вышел из вагона в простой темной футболке и джинсах, с одной дорожной сумкой на плече. Он стал шире в плечах, лицо осунулось, взгляд стал тяжелым, непроницаемым. Никаких радостных криков, никаких объятий. Он просто кивнул мне.

— Здорово, Юра. Поздравляю с наступающим. Завтра гуляем?

— Ого, Виталя! Совсем заматерел в своем офисе, — я хлопнул его по плечу, чувствуя под ладонью твердые мышцы. — Завтра прогремим на всю область. А где же твоя пассия? Где таинственная Римма?

И тут из вагона вышла она.

Мир вокруг меня на секунду замер, словно кто-то поставил жизнь на паузу. Я видел тысячи женщин, но Римма была... другой. Тонкая, как статуэтка из дорогого фарфора, в шелковом бежевом костюме, который подчеркивал каждый изгиб её тренированного тела. Огромные солнечные очки на пол-лица, копна медовых волос, небрежно стянутых на затылке. Она спрыгнула на перрон, и облако аромата — сложного, чувственного, пахнувшего сандалом и чем-то порочно-сладким — ударило мне в ноздри.

— Юрий? — она сняла очки, и я утонул в глазах цвета крепкого кофе. — Виталик столько о вас рассказывал. Но он забыл упомянуть, что его брат — такой импозантный муж-

чина.

Её голос был низким, с легкой хрипотцой, от которой у меня по спине пробежал холодок. Она протянула мне руку — узкую ладонь с безупречным маникюром. Я коснулся её пальцев, и меня словно током дернуло.

— Добро пожаловать в наше скромное гнездо, Римма, — я заставил себя улыбнуться, хотя внутри всё вибрировало от неожиданного азарта. — Прошу в машину. Орёл не любит ждать.

Виталий молча закинул сумку в багажник. Он вел себя так, будто Римма была для него привычным фоном, но я-то видел, какой бриллиант он тащит в нашу глушь.

Солнце уже начало клониться к закату, заливая трассу густым медовым светом, когда мы выехали за город. На обратном пути Римма не умолкала. Она сидела на переднем сиденье, и её колено — так близко от моей руки на рычаге передач — сводило меня с ума.

— Какая мощная машина! — она провела пальчиком по кожаной отделке торпеды. — Виталик, ты видел? Вот это я понимаю — масштаб. Юрий, вы сами всё это построили? С нуля?

— С абсолютного нуля, Римма, — я перехватил её взгляд в зеркале. — В этой жизни я привык полагаться только на свои когти. Завтра вы увидите мой бизнес во всей красе. Здесь либо ты всех, либо тебя.

— О, я обожаю сильных мужчин, — она прикусила губу,

продолжая рассматривать меня. — Тех, кто не боится брать то, что хочет.

Виталий сзади молчал. Он смотрел в окно на пролетающие мимо вечерние поля, и я почувствовал укол превосходства. Вот он, мой брат — привез королеву, а сам сидит как нашкодивший школьник. Он не знает, как обращаться с такой женщиной. Ей нужен размах, ей нужен огонь, а не чертежи и тихие вечера.

Я нарочито прибавил газу, закладывая крутой вираж. Римма вскрикнула — коротко, возбужденно — и «случайно» качнулась в мою сторону, на мгновение прижавшись плечом к моему плечу. Тепло её тела прошило меня насквозь.

Когда мы въехали в Ясное, сумерки уже начали сгущаться над фермой. Мой «Орлиный двор» встретил нас торжественной тишиной, прерываемой лишь далеким кудахтаньем и светом зажженных во дворе гирлянд — Надя всё-таки успела подготовить зону для ужина.

Я остановил машину у самых ворот. Вышел, обошел капот и распахнул дверь перед Риммой.

— Наша скромная обитель, — я галантно протянул ей руку.

Римма начала выходить из салона, поправляя сумочку, и тут её высокий каблук предательски соскользнул с порожка на неровную гравийную дорожку.

— Ой! — выдохнула она, теряя равновесие.

Я среагировал мгновенно. Подхватил её под локти, прижимая к себе, чтобы она не упала. Римма буквально влетела в мои объятия. Её руки инстинктивно вцепились в мои плечи, и я почувствовал, как её грудь прижалась к моей груди.

Она задержалась в моих руках всего на секунду дольше, чем того требовали приличия. Я почувствовал, как участилось её дыхание, как тонкие пальцы с силой сжали мои предплечья. От неё пахло так, что в голове на мгновение помутилось: смесь дорогой пудры, шампанского и опасности.

— Ох, Юрий... Какая я неловкая, — прошептала она, поднимая на меня глаза. В их кофейной глубине откровенно плясали чертики. — Простите, я совсем не привыкла к такой... пересеченной местности.

— Ничего, Римма. Пока я рядом, я не дам вам упасть, — ответил я, понизив голос до той самой бархатистой ноты, которая всегда действовала на женщин безотказно.

Я медленно выпустил её, чувствуя, как по венам разливается сладкий яд. Да, я определенно заслужил этот подарок судьбы. Десять лет я пахал на этой земле, строил, пробивал лбом стены, терпел скучные отчеты Нади и её вечные жалобы на нехватку кормов. Я имел право на маленькое приключение накануне своего триумфа.

Виталий подошел к нам, закинув сумку на плечо. Его лицо оставалось непроницаемым, но в глубине глаз застыло странное выражение — то ли брезгливость, то ли усталость. Он не бросился помогать своей девушке, не начал охать. Просто

встал рядом, глядя на ворота нашего дома.

— Всё так же, — сухо заметил он. — Только заборы стали выше.

— Это называется безопасность, брат, — я похлопал его по спине, чувствуя себя невероятно великодушным. — Пойдемте в дом. Надя, небось, уже все пороги оббила, дожидаясь. Ужин стынет.

Мы пошли по дорожке. Римма шла чуть впереди, показывая бедрами так, что мой взгляд невольно приклеился к изгибам её шелковых брюк. Она то и дело оборачивалась, задавая вопросы о ферме, восхищалась размерами дома, и каждое её слово ложилось на моё эго мягким бальзамом.

Я посмотрел на своё отражение в темном стекле окна веранды и хищно усмехнулся. Праздник только начинался, и я, Юрий Орлов, намеревался взять от него всё. До последней капли. И если при этом придется немного поиграть с огнем... Что ж, настоящий Орел огня не боится. Он в нем только закаляется.

Глава 3

Пыль за окном еще не успела осесть после того, как во двор вкатился черный внедорожник Юры, а я уже чувствовала, как внутри всё натягивается, словно перетянутая струна. Десять лет я училась гасить это предчувствие, убеждать себя, что я просто «заездила», что у меня «нервы», но сейчас воздух в прихожей будто заискрил.

Я стояла на пороге, вытирая руки о фартук — тот самый, парадный, с вышивкой по краю, который должен был скрывать мою усталость.

— Приехали! — голос Юры, бодрый и гулкий, заполнил пространство, вытесняя привычную тишину дома.

Первым в дом зашел Виталий. Я не видела деверя пять лет и невольно замерла. Он стал шире, жестче, в глазах появилось то самое непроницаемое спокойствие, которое бывает у людей, знающих цену своему труду. Он коротко кивнул мне, и в этом жесте было больше веса, чем во всех Юриных громгласных приветствиях.

А потом вошла она.

Римма.

Сначала в дом ворвался её парфюм — густой, приторно-сладкий, пахнувший сандалом и какими-то заморскими цветами. Он мгновенно «перерезал» домашний уют нашего дома, пропахший свежим хлебом и ванилью. Римма в сво-

ем бежевом шелковом костюме выглядела здесь инопланетянкой. Каждое её движение — от того, как она поправила медовую прядь, до того, как брезгливо скользнула взглядом по деревянной тумбе в прихожей — кричало о том, что она здесь по ошибке.

— Надежда, очень приятно, — её улыбка была безупречной, как витрина дорогого бутика. Холодной и тщательно выверенной. — Виталик говорил, что у вас тут... простор.

Я увидела, как Юра буквально расцвел. Он стоял за её спиной, и его взгляд — жадный, оценивающий, липкий — сканировал её фигуру так, словно меня здесь вовсе не было. Мой Орёл расправил плечи, выпятил грудь, становясь еще выше и важнее.

— У нас тут империя, Риммочка! — Юра хохотнул, проходя вперед и по-хозяйски приобнимая гостью за плечи. — Надя, чего стоишь? Виталя, бросай сумки, мать там наготовила — на роту хватит!

— Я сам отнесу, — тихо сказал Виталий. Он посмотрел на меня, и на мгновение мне показалось, что в его глазах мелькнула тень сочувствия. Но он тут же отвел взгляд.

— Проходите, всё уже готово, — я заставила себя улыбнуться. — Ужинать будем во дворе, на воздухе сейчас хорошо.

Вечер опускался на Ясное лениво, окрашивая небо в цвета спелого персика. Я металась между кухней и мангальной зоной, накрывая на стол. Юра уже успел откупорить бутылку

дорогого вина и теперь «царствовал» в беседке, рассказывая Римме о том, как он «с нуля поднимал этот край».

— Надя, неси мясо! — крикнул он, когда я в очередной раз выходила из дома с тяжелым подносом, уставленным закусками.

Поднос весил килограммов пять — я сама мариновала баклажаны, нарезала домашний сыр, раскладывала зелень. Руки дрожали от напряжения, а поясница, не отдохнувшая после утренней смены в птичнике, отозвалась резкой болью.

Я почти донесла его до стола, когда Виталий, до этого молча стоявший у мангала, вдруг шагнул навстречу. Он не спросил разрешения — он просто взял и вырвал у меня из рук эту тяжесть.

— Оставь, я сам, — его голос прозвучал низко и твердо. — Ты же гость на собственном празднике.

— Я не гость, Виталя, я хозяйка, — я попыталась улыбнуться, хотя внутри что-то болезненно сжалось. — Отдай, я привыкла.

— Тебе нельзя такое таскать, — отрезал он, даже не глядя на меня, и поставил поднос на стол. — Где дрова для мангала? Я займусь.

Юра даже не обернулся. Он как раз демонстрировал Римме наши новые инкубаторы, размахивая руками.

— Ой, Юрий, вы такой увлеченный! — голос Риммы доносился из глубины двора, как перезвон маленьких колокольчиков. — Как вы, такой статный мужчина, выносите этот

специфический запах каждый день? Я бы, наверное, в обморок упала...

— Это запах денег, Риммочка! — громогласно отозвался муж. — К нему быстро привыкаешь, если умеешь их считать.

Я стояла у летней раковины, смывая сок баклажанов с рук, и чувствовала, как внутри закипает глухое, липкое раздражение. «Специфический запах». Римма картинно морщила нос, прикладывая к лицу кружевной платочек, хотя наши птичники были чище, чем многие городские квартиры. Она льнула к Юре, и он, мой всегда такой рациональный и строгий Орёл, буквально таял под этим ленивым кокетством.

— Надя, ну где ты там застряла? — Юра обернулся, заметив меня у раковины. — Иди к нам, присядь. Римма хочет послушать про наш первый год.

Я подошла и села на край скамьи. Римма сидела рядом с Юрой, их плечи почти соприкасались. Она то и дело «случайно» задевала его колено рукой, когда тянулась за виноградом. Юра не отодвигался. Напротив, он словно невзначай расправил плечи, становясь еще шире, еще монументальнее. В его глазах горел азарт, который я не видела там очень давно — по крайней мере, когда он смотрел на меня.

— Ой, Юрий, у вас тут так... душевно! — Римма пригубила вино и посмотрела на моего мужа поверх бокала. — Виталик, почему ты не говорил, что твой брат — настоящий хозяин здешних мест? Прямо как в старых романах про помещиков.

Виталий, до этого сосредоточенно возившийся с углями, бросил на неё короткий, колющий взгляд.

— Я говорил, что у брата ферма, Римма. Помещики остались в девятнадцатом веке.

— Ну зачем ты так официально? — Юра довольно огладил подбородок. — Помещик не помещик, а порядок я люблю. Надя подтвердит. У нас тут каждый цыпленок под надзором.

— Под Надиным надзором, — тихо добавил Виталий, подавая мне тарелку.

Надя. Это прозвучало так просто, но почему-то у меня перехватило дыхание. Юра обычно называл меня «мать», «Надька» или «хозяйка». А в устах Виталия моё имя обрело какой-то забытый объем.

Ужин тянулся долго. Юра много пил, его смех становился всё громче и развязнее. Он соревновался сам с собой в остроумии, и Римма была идеальным зрителем. Она смеялась, запрокидывая голову, обнажая тонкую шею, и каждый её жест был направлен на Юру. Она будто вычеркнула Виталия из пространства, превратив его в досадную помеху между ней и «настоящим мужчиной».

— Юрий, а покажите мне закат? — вдруг капризно протянула она, когда с едой было покончено. — Виталик говорит, у вас за птичниками есть холм, с которого видно всю реку. Я так хочу сделать пару кадров для блога!

Юра вскочил с готовностью, которой я не видела от него даже в те дни, когда нам нужно было срочно ехать за запчастями для инкубатора.

— С удовольствием, Риммочка! Заодно покажу вам наши новые вольеры. Там сейчас как раз установили подсветку, выглядит эффектно.

Они ушли, и их голоса — его баритон и её высокий смех — еще долго таяли в сумерках. Я осталась за столом с горой грязной посуды. Вечерняя прохлада начала забираться под кожу, вызывая легкий озноб.

— Давай помогу, — Виталий начал собирать тарелки.

— Иди отдыхай, Виталя. Ты с дороги, устал.

— Я не устал от того, чтобы убрать за собой посуду, Надь. Мы работали молча. Я мыла в летней раковине, он вытирал и относил в дом. В этом была какая-то странная, правильная ритмичность.

— Зачем ты это терпишь? — вдруг спросил он, когда мы остались один на один под навесом.

Я замерла, не вынимая рук из мыльной воды.

— О чем ты? Юра просто гостеприимный. Римма — мо-

лодая девочка, ей скучно...

— Ты же не глупая, — он подошел ближе, и я кожей почувствовала его присутствие. — Ты всё видишь. Он ведет себя так, будто тебя не существует. А она... она просто хищница, Надя.

Я резко обернулась, вытирая руки о фартук. Раздражение вспыхнуло внутри, как сухая солома.

— Слушай, Виталий. Мы с твоим братом десять лет вместе. Мы построили это всё с нуля. Юра любит лесть, да. Он павлин, ему нужно, чтобы им восхищались. Но он мой муж. А Римма — твоя девушка. Так что давай каждый будет следить за своей половиной, ладно?

Виталий посмотрел на меня долго и пристально. В его глазах не было злости, только какая-то горькая мудрость, которой не должно быть у двадцатипятилетнего парня.

— Как скажешь. Пойду спать. Спокойной ночи, Надя.

Я осталась одна. Деревня погрузилась в ночную симфонию: сверчки, далекий лай собак, редкий всплеск рыбы в реке. Юра с Риммой вернулись спустя полчаса. Они зашли в дом через заднюю дверь, что-то весело обсуждая. Я слышала их шаги на лестнице, хлопанье дверей гостевой комнаты.

Позже, когда я уже лежала в нашей спальне, глядя в потолок, Юра зашел в комнату. От него пахло свежим ночным

воздухом, табаком и... чем-то еще. Сладким, пудровым. Тем самым ароматом, который заполнил прихожую днем.

— Ну и девка, — он усмехнулся, стягивая рубашку. — Витальке повезло, хотя он и не ценит. Всё в своих чертежах сидит, бука. А Римма — огонь. Она так забавно пугается каждого шороха в лесу...

— Ты долго показывал ей закат, Юра. Он закончился два часа назад.

— Да мы заболтались, Надь. Она спрашивала совета по бизнесу. Думает открыть свою линию одежды, хотела узнать, как я начинал. Чего ты начинаешь?

Он лег рядом, привычно отвернулся к стенке и почти сразу засопел. А я лежала, чувствуя, как внутри ворочается холодный склизкий ком. Я уговаривала себя: «Это паранойя. Ты просто устала. Завтра юбилей. Оловянная свадьба. Десять лет».

Сон пришел тяжелый, рваный. Мне снилось, что Тайсон пытается что-то сказать мне, но вместо гогота из его клюва вырывается смех Риммы.

Я проснулась внезапно. В комнате было серо — тот самый час перед рассветом, когда мир кажется застывшим в ожидании. Рука по привычке скользнула по простыне в поисках мужа. Холодно.

Пусто.

Сердце пропустило удар, а потом забилось быстро и неровно. Я села на кровати, прислушиваясь. В доме было тихо. Слишком тихо.

Я встала, накинула халат и подошла к окну, выходящему во двор. Ночной туман лоскутами лежал на траве. У беседки, там, где мы ужинали, я заметила движение. Два темных силуэта. Они стояли очень близко. Почти слитно. На мгновение вспыхнул свет фонарика — кто-то проверял дорогу или смотрел на часы — и тут же погас.

Один силуэт — высокий, широкоплечий. Другой — тонкий, гибкий. Они стояли так мгновение, а потом высокий силуэт наклонился к тонкому.

Я замерла, боясь дыхнуть. В голове зашумело. «Это Виталий. Это просто Виталий и Римма вышли подышать», — заклинал меня мой внутренний голос, отчаянно цепляясь за остатки мира.

Но Виталий носит свободные худи. А этот силуэт был в футболке, которая слишком знакомо обтягивала мощную спину.

Через пару минут входная дверь внизу едва слышно скрипнула. Я метнулась в кровать, накрылась одеялом до самого подбородка и зажмурилась. Дверь спальни открылась так тихо, что я слышала бы только в абсолютной тишине.

Юра проскользнул в комнату. Он долго стоял у кровати, я чувствовала его взгляд. Потом он начал раздеваться, стараясь не шуметь. Когда он лег, к запаху табака добавился еще

один. Тот самый. Сандал и заморские цветы. Теперь он был резким, отчетливым, словно его вылили на подушку.

Я лежала, сжимая кулаки под одеялом так, что ногти вонзались в ладони. «Тебе показалось. Мало ли, откуда этот запах. Может, они просто столкнулись в коридоре. Завтра юбилей. Завтра всё будет хорошо».

Я повторяла это как молитву, пока за окном не начал розоветь восток. Но где-то в самой глубине души я уже знала: ничего хорошего завтра не будет. Праздник, к которому я готовилась три месяца, превращался в поминальный обед по моей наивности.

И единственное, что я чувствовала сейчас, кроме ледяного ужаса — это странную, острую благодарность Виталию за то, что он единственный не пытался со мной играть.

Утро юбилея наступало. Громкое, яркое и неумолимое. И я была полна решимости встретить его так, как подобает хозяйке «Орлиного двора». Даже если внутри от этого двора остались только пепел и разбитая скорлупа.

Глава 4

Августовское солнце решило, что десятилетие нашей свадьбы — отличный повод, чтобы устроить в Ясном филиал преисподней. Воздух дрожал от зноя, густой и липкий, пропитанный запахом жареного мяса, маринадов и пыли, которую поднимали колеса прибывающих машин.

Я стояла у зеркала в прихожей, пытаюсь застегнуть молнию на темно-синем шелковом платье. Платье было красивым, дорогим, купленным специально для этого дня, но сейчас оно казалось мне смирительной рубашкой. Корсет впивался в ребра, мешая дышать, а туфли на каблуках, которые я не надевала годами, уже через десять минут превратили мои ступни в два куска ноющей боли.

— Надя! Ну ты где там? — зычный голос Юрия долетел со двора. — Гости уже на подходе, а хозяйки нет! Не позорь фамилию!

Я судорожно выдохнула, наклеила на лицо дежурную улыбку и вышла на крыльцо.

Двор «Орлиного двора» преобразился. Юра не поскупился на декор: повсюду развесили ленты, шары цвета старой бронзы (под олово, как он выразился), а столы, расставленные под навесом, буквально стонали от еды. Моей еды. Я видела каждый салат, каждую закуску и знала, сколько часов сна мне стоило это изобилие.

Сам Юрий сиял. Его стальной костюм, идеально отглаженный моими руками, переливался на солнце. Он стоял в центре двора, расправив плечи, и принимал поздравления от первых прибывших — четы Петровых из райцентра.

— Проходите, проходите! — Юра широко развел руки. — Посмотрите, как мы тут развернулись. Всё сам, всё своими руками. Вот этот птичник в прошлом году закончил, инкубаторы шведские поставил. Рискнул, конечно, но Орлы не боятся высоты!

Я спустилась со ступенек, чувствуя, как каблуки предательски вязнут в траве.

— Ох, Надюша! — ко мне подплыла тетя Шура, наша главная деревенская «информслужба» в неизменном цветастом платке, несмотря на жару. — Ну и хороша! Платье-то какое, городское! Только бледная ты что-то, мать. Совсем тебя Юрка загонял?

Она впилась в меня своими цепкими, всевидящими глазами, а потом многозначительно перевела взгляд на беседку. Там, в тени винограда, сидела Римма. В своем легком, почти невесомом сарафане на тонких бретельках она выглядела как капля росы на фоне запыленной травы. Она лениво потягивала лимонад, обмахиваясь веером, и каждый мужчина, входивший во двор, невольно спотыкался, глядя на её точенные плечи.

— Смотри, Надюха, — понизила голос тетя Шура, придвигаясь к моему уху. — Мужик у тебя сейчас в самом соку,

при деньгах, при силе. А ты всё у корыта да у инкубатора. Глянь, как гостья-то городская на него зыркает. Прямо кошка на сметану. Не проворонь Орла-то своего, а то улетит в чужое гнездо, и чирикнуть не успеешь.

— Тетя Шура, ну что вы придумываете? — я попыталась рассмеяться, но звук получился сухим и ломким, как старая солома. — Это Виталия девушка. Семья ведь.

— Семья — дело тонкое, — хмыкнула соседка, пригубив настойку из стопки, которую тут же подхватила с подноса проходящего мимо Михалыча. — В семье-то и случаются самые пакости. Виталька твой вон, сидит, как сыч подбитый. Чует, видать, конкуренцию.

Я посмотрела на Виталия. Он сидел поодаль, в тени старой яблони, и вертел в руках пустой стакан. Его взгляд, тяжелый и сумрачный, был прикован ко мне. Не к Юре, не к Римме, а именно ко мне. Когда наши глаза встретились, он не отвел взор, а лишь едва заметно сжал челюсти. В этом взгляде было столько невысказанного, что мне стало не по себе.

К вечеру праздник набирал обороты. Приехали еще соседи, родственники Юрия из города, пара крупных закупщиков. Двор наполнился звоном посуды, громким смехом и бесконечными тостами.

Юрий был в ударе. Он переходил от стола к столу, хлопал мужчин по плечам, галантно целовал ручки дамам. Он купался в лучах славы, которую сам себе и организовал. Каж-

дое второе предложение он начинал с «Я»: «Я решил расширяться», «Я нашел рынок сбыта», «Я поставил дело на широкую ногу».

Я же чувствовала себя тенью. Официанткой высшего разряда, которой позволили надеть синий шелк. Я следила, чтобы не пустели тарелки, чтобы вовремя подносили лед, чтобы Михалыч не напился раньше времени.

— Юра, ну расскажи, в чем секрет успеха? — крикнул кто-то из городских гостей, когда подали горячее.

Юрий картинно встал, поправил пиджак и поднял бокал с коньяком.

— Секрет прост, друзья! — его голос гремел над двором. — Нужно быть Орлом. Нужно видеть цель и не замечать препятствий. Когда я десять лет назад забивал здесь первый колышек, все смеялись. Но я знал, что построю здесь империю. И я её построил!

Он обвел взглядом присутствующих, задержавшись на Римме чуть дольше, чем позволяли приличия. Она улыбнулась ему одними губами, и Юра буквально раздулся от самодовольства.

— Конечно, — добавил он, словно спохватившись, — и тыл должен быть прикрыт. Наде спасибо, что щи варила да курей считала, пока я стратегию выстраивал. Без хорошей квочки в хозяйстве тоже никак.

За столом раздался смешок. «Квочка». Это слово ударило

меня под дых сильнее, чем тесный корсет. Гости заплодировали, кто-то крикнул «Горько!», и Юра небрежно притянул меня к себе, мазнув губами по щеке. От него пахло дорогим парфюмом, дорогим коньяком и абсолютным, непробиваемым эгоизмом.

Я отстранилась под предлогом, что нужно проверить десерт. Сердце колотилось в горле.

К восьми вечера жара спала, сменившись томительной вечерней негой. Зажглись гирлянды, во дворе стало уютно и шумно. Виталий всё так же сидел в тени, почти не вступая в общие разговоры. Римма же окончательно «окупировала» Юрия — они стояли у вольеров, и она, притворно ахая, слушала его рассказы о селекции.

Пришло время главного аккорда — моего фирменного торта «Орлиное гнездо». Я пекла его три дня, выкладывая каждый лепесток из тончайшего шоколада, сооружая из карамели ажурные веточки. Это был мой подарок, мой личный символ нашего десятилетия.

Я зашла в дом, на кухню. Там было прохладно и тихо по сравнению с уличным гомоном. Достала торт из холодильника, зажгла тонкие серебристые свечи.

— Юра! — позвала я, выглядывая в окно. — Пора резать торт!

Гости подхватили:

— Хозяина! Юрия к столу! Орёл, где ты там спрятался?

Но Юрия не было. Его стальной костюм не мелькал среди гостей. Я огляделась — Риммы тоже не было на виду.

— Виталий, ты не видел Юру? — спросила я у деверя, когда он зашел в дом за льдом.

Он посмотрел на меня, и в его глазах я прочитала то, от чего по спине пробежал ледяной холод. Он знал. Он определенно что-то знал, но молчал, сжимая челюсти так, что на скулах ходили желваки.

— Нет, не видел, — глухо ответил он и вышел, едва не задев плечом косяк.

Я поставила торт на стол. Внутри росло нехорошее, сосущее чувство. Ночная сцена в беседке, запахи чужих духов, взгляды... Всё это сложилось в одну четкую, зловещую картинку.

— Надя, ну где они? Мы ждем! — кричала тетя Шура, уже изрядно захмелевшая.

— Я сейчас... я посмотрю, может, за инкубаторами зацепились, — пробормотала я и вышла с веранды.

Я шла по тропинке, стараясь не шуметь. Каблуки я уже давно скинула, и трава холодила босые ступни, но я этого не замечала. Двор закончился, начались хозяйственные постройки.

— Юра! — позвала я негромко. — Ты здесь?

Тишина. Только гуси в загоне тревожно зашевелились, почуввав меня. Тайсон издал короткий звук, похожий на преду-

преждение.

Я миновала новые ангары и подошла к старому сараю. Мы почти не использовали его сейчас, хранили там только излишки корма и старые лотки для яиц. Дверь была приоткрыта.

Я остановилась у самого входа. Изнутри доносился запах сухого зерна, старой пыли и... этот едкий, сандаловый парфюм.

— Ой, Юрий, а если Надежда увидит? — раздался тихий, кокетливый смешок Риммы.

Я замерла, чувствуя, как мир вокруг меня начинает медленно рассыпаться на мелкие осколки.

— Да забудь ты про эту квочку, — голос Юрия звучал густо, низко, с теми интонациями, которые он использовал только тогда, когда был уверен в своей полной власти. — Она сейчас торт выносит, свечи зажигает... Ей больше ничего и не надо. Вся в своих курах погрязла, скоро кудахтать начнет. Иди ко мне, моя королева. Здесь нас никто не увидит.

Воздух в легких закончился. Я стояла, вцепившись пальцами в шершавое дерево дверного косяка. «Квочка». «Забудь про неё».

Внутри меня что-то оборвалось. С громким, оглушительным треском, который, казалось, должен был услышать весь мир. Но мир молчал, только из сарая донесся шорох мешков с зерном и приглушенный стон Риммы.

Я не плакала. У меня не было на это времени. Вся та

усталость, вся та многолетняя покорность и вера в «семью» испарились, оставив после себя выжженную пустыню и одну-единственную, кристально ясную цель.

Я взялась за ручку двери и рванула её на себя.

— Ну, посмотрим, как летают орлы без перьев, — прошептала я, и мой голос показался мне чужим, принадлежащим совершенно другой женщине.

Я распахнула дверь сарая.

Глава 5

Дверь старого сарая поддалась с сухим, жалобным стоном, который в моей голове прозвучал как выстрел стартового пистолета. В лицо ударило густым коктейлем из запахов: прелое зерно, многолетняя пыль и этот приторно-сладкий, душащий аромат сандала, который теперь навсегда станет для меня синонимом предательства.

Свет от садовых гирлянд ворвался в полумрак широким косым лучом, безжалостно разрезая темноту. Он упал ровно туда, куда нужно. На мешки с премиксом, где мой «Орел» как раз пытался расправить крылья в чужом гнезде.

Секунда. Две. Мир превратился в стоп-кадр.

Юра замер, его лицо, обычно такое самоуверенное и властное, сейчас напоминало маску из дешевого воска, которая начала плавиться под жарким софитом. Его стальной пиджак был расстегнут и нелепо задран, а брюки... те самые идеально отглаженные брюки, за которые я вчера билась с утюгом, гармошкой сползли к коленям. Римма, забившаяся под его плечо, вскрикнула — коротко, по-крысиному, и попыталась прикрыться обрывками шелка, который в этом грязном сарае выглядел как дешевая тряпка.

— Надя... — голос Юры дал петуха, сорвавшись на жалкий сип. — Ты всё... это не то... Римме стало плохо. Душно. Я просто...

Он начал суетливо вскакивать, путаясь в собственных штанинах. И в этот момент я поняла, что не чувствую боли. Той раздирающей, уничтожающей боли, которой так боялась ночью. Внутри меня было пусто и холодно, как в выстуженном инкубаторе. Осталось только брезгливое любопытство: как долго он еще будет врать?

— Душно? — я сделала шаг вперед, и под моей босой ногой хрустнуло сухое зерно. — В сарае с комбикормом, Юра? Seriously?

Он попытался вернуть себе вид «хозяина жизни». Выпятил грудь, дернул плечом, пытаясь одновременно натянуть штаны и сохранить достоинство. Но достоинство Орлова осталось где-то между первым и вторым слоем маринада для юбилейного шашлыка.

— Надя, не делай сцен! — рявкнул он, и этот его привычный командирский тон стал последней каплей. — Положи засов! Ты выпила, тебе кажется...

Он решил сделать решительный шаг ко мне, чтобы, как обычно, подавить своим авторитетом, прижать к стене и заставить поверить в то, что черное — это белое. Юра рванулся вперед, забыв, что его ноги всё еще скованы спущенными брюками.

Его левый ботинок зацепился за край пустого оцинкованного ведра. Раздался оглушительный лязг. Юра взмахнул руками, как подбитая птица, смешно засучил ногами в воздухе и, потеряв равновесие, с размаху приземлился задом ровно

в центр огромной плетеной корзины.

Той самой корзины, которую я с таким трудом наполнила с утра. Пять сотен отборных яиц, приготовленных на завтрашнюю отправку в город. Пять сотен маленьких жизней, которые я берегла.

Хрясь.

Этот звук я не забуду никогда. Сухой, массовый хруст скорлупы, за которым последовало сочное, чавкающее «шлеп». Юра замер, его глаза округлились, а руки нелепо повисли вдоль туловища. Он сидел в корзине, как в гнезде, а из-под него, по дорогим штанинам и светлым носкам, медленно и густо потекла ярко-желтая липкая жижа. Мелкие осколки скорлупы облепили его пиджак, а запах свежего яйца мгновенно смешался с ароматом его парфюма.

Римма в углу издала звук, похожий на подавленный ик.

И тут меня прорвало. Не на слезы. На ярость. На ту самую холодную, выжженную ярость женщины, которая десять лет строила замок, оказавшийся курятником.

Мой взгляд упал на угол у двери. Там, прислоненная к косяку, стояла моя рабочая метла. Тяжелая, с жесткими березовыми прутьями, связанная на совесть. Та самая, которой я сегодня в пять утра выметала двор, готовясь к этому проклятому празднику.

Я шагнула и перехватила её поудобнее, чувствуя ладонью шершавое дерево черенка.

— Надя... — Юра попытался встать, но корзина плотно

обхватила его за бедра, а скользкие желтки превратили пол вокруг него в каток. — Ты что... Ты с ума сошла?! Положи веник!

— Веник? — я перехватила метлу как дубину. — Это не веник, Юрочка. Это инструмент для очистки территории от мусора.

Первый удар пришелся ему по плечу. Сухой треск прутьев о дорогую ткань пиджака был невероятно приятным.

— А-а-ай! — взвыл мой «Орел», наконец вываливаясь из корзины.

Он попытался вскочить, но поскользнулся на собственных грехах и разбитых яйцах. Желтковая лужа разъезжалась под его ногами. Юра плюхнулся на четвереньки, а я добавила ему по спине.

— Помогите! — взвизгнула Римма, пытаясь проскочить мимо меня к выходу.

Её шелковый сарафан зацепился за гвоздь на двери, жалобно треснув. Я не стала церемониться. Короткий, точный замах — и березовые прутья прошлись по её холенным лопаткам.

— Вон! — мой голос сорвался на рык, которого я сама от себя не ожидала. — Вон из моего сарая! Вон с моей земли!

Юра, наконец, сумел подняться. Держа штаны одной рукой, а другой прикрывая голову, он кинулся к выходу. С его задницы стекала яичная масса, оставляя на полу желтый след. Скорлупа забилась ему в волосы, стекала по шее.

— Надя, ты больная! — орал он, выскакивая из сарая. — Ты пожалеешь! Я тебя...

Я не дала ему закончить. Я просто гнала их в два смычка. Шлепок по спине Юры — взвизг. Шлепок по Римме — вскрик.

Мы вылетели на освещенную дорожку.

Гости, уже приготовившиеся к торжественному выносу торта, замерли с бокалами в руках. Музыка, которую Юра так тщательно подбирал («что-нибудь статусное, Надь»), продолжала литься из колонок, создавая дикий, абсурдный фон для этого шествия позора.

— Посмотрите! — крикнула тетя Шура, выронив вилку. — Гляньте, люди добрые! Орёл-то... ошипанный!

Юрий бежал первым. Его стальной пиджак превратился в грязную тряпку, по спине тек желток, а брюки окончательно сползли, обнажая белые боксеры в мелкий синий ромбик. Он спотыкался, скользил на траве, выглядя как испуганный клоун, сбежавший из дешевого цирка. За ним, в разорванном шелке, сверкая голыми плечами и размазанной тушью, неслась Римма.

— А-а-а! Уберите её! — визжала «городская королева», когда я в очередной раз приложила метлу к её филейной части.

Я видела лица гостей. Округлившиеся глаза, открытые рты. Видела, как кто-то из городских друзей Юрия вскинул телефон, снимая это эпичное видео.

А потом появился Тайсон.

Наш гусь, почуяв хаос и шум, вылетел из-за угла как маленький белый танк. Он всегда ненавидел Юру, но сегодня его инстинкты сработали на полную мощность. Тайсон расправил огромные крылья, вытянул шею и с грозным шипением бросился в атаку. Его целью стали лодыжки Юрия.

— Мама! — закричал муж, когда клюв гуся сжал его икру.

Он подпрыгнул, потерял равновесие и кубарем покатился по траве, прямо к столу, на котором в свете свечей гордо возвышался мой юбилейный торт «Орлиное гнездо». Юра врезался в ножку стола, тот покачнулся, и шоколадный шедевр, на который я убила три дня жизни, медленно, словно в замедленной съемке, съехал вниз, обрушиваясь ровно на голову моему благоверному.

Тишина наступила мгновенно.

Юра сидел на траве. На голове у него, как нелепая корона, покоился торт. Кремовые розы стекали по лбу, шоколадные ветки запутались в волосах вместе со скорлупой от яиц. Римма замерла рядом, тяжело дыша и пытаясь прикрыть разорванный лиф платья.

Я остановилась в паре шагов от них, тяжело дыша. Метла в моих руках казалась продолжением моего тела.

Виталий вышел из тени деревьев. Он стоял ближе всех, скрестив руки на груди. В его взгляде, прикованном ко мне, не было ни капли смеха. Только темное, густое одобрение и какая-то болезненная гордость. Он перевел взгляд на брата,

и его губы скривились в секундной гримасе брезгливости.

— Ну что, Юра, — голос Виталия прозвучал в тишине как удар хлыста. — Юбилей удался.

Юрий попытался что-то сказать, но изо рта у него вылетел только кусок бисквита. Он выглядел настолько жалко, что мне на секунду стало противно даже злиться.

Я сделала глубокий вдох, чувствуя, как корсет платья больше не давит. Словно с падением этого торта лопнули и невидимые обручи, стягивавшие мою жизнь все эти годы.

— Вон, — сказала я. Негромко, но так, что Михалыч на другом конце двора вздрогнул. — Чтобы через пять минут вас здесь не было. Оба. Собирайте свои шмотки и убирайтесь.

— Надя, ты не можешь... — начал было Юра, пытаясь счистить крем с глаз. — Это и мой дом тоже...

Я сделала шаг вперед, крепче перехватывая метлу. Тайсон рядом со мной угрожающе зашипел, готовый продолжить экзекуцию.

— Хочешь проверить, что я могу, Орлов? — я посмотрела ему прямо в глаза, и он впервые за десять лет отвел взгляд. — У тебя пять минут. Время пошло.

Я развернулась к гостям, которые всё еще стояли с открытыми ртами.

— Банкет окончен, — объявила я ледяным голосом. — Все вон. Подарки забирайте с собой, мне от этой жизни больше ничего не нужно.

Я не смотрела, как они начали суетливо расходиться. Не смотрела, как Юра, скользя и матерясь, потащил Римму в сторону гостевого домика за вещами. Я видела только Виталия.

Он не ушел. Он подошел к столу, взял уцелевшую бутылку коньяка и два бокала. Разлил. Один протянул мне.

— За новую жизнь, Надежда? — спросил он тихо, и в его голосе я слышала то, чего не слышала от мужа никогда. Уважение.

Я взяла бокал. Мои руки больше не дрожали. Я посмотрела на разоренный двор, на разбитые яйца и раздавленный торт.

— За новую жизнь, Виталий, — ответила я и осушила бокал до дна.

Где-то за воротами взревел мотор внедорожника. «Орел» улетал из гнезда. Но мне уже было всё равно. Моё небо наконец-то стало чистым.

Глава 6 (Виталий)

(от лица Виталия)

Я стоял в тени старой яблони, подальше от залитого искусственным светом стола, и чувствовал, как вязкий, перегретый воздух августа застревает в легких. Юбилей брата напоминал мне плохо отрепетированную театральную постановку, где декорации стоили дороже, чем сами актеры. Я смотрел на пустой стул Нади и на помятую салфетку, которую она оставила, когда ушла «проверить десерт». Она не возвращалась уже минут пятнадцать.

Мой брат, Юрий, исчез еще раньше.

Я знал Юру всю жизнь и никогда его не любил. За фасадом «успешного фермера» и «настоящего мужика» всегда скрывался мелкий, тщеславный стервятник, который привык клевать только то, что не может дать отпор. Его пафос, этот стальной костюм, часы, которыми он размахивал перед носом у Петрова из райцентра — всё это было лишь тонкой позолотой на ржавом железе. Единственным настоящим сокровищем в этом доме была Надя. Но Юра относился к ней как к инвентарю: полезная, надежная, всегда под рукой, как старая лопата в сарае.

Внезапно со стороны хозяйственных построек донесся звук, который заставил гостей за столом замолчать. Это был не просто крик — это был вопль человека, у которого вне-

запно выбили почву из-под ног.

А потом я увидел это.

Из темноты, в полосу света от гирлянд, вылетел «Орел».

Если бы я не знал, что это мой брат, я бы решил, что из цирка сбежал неудачливый клоун. Юра бежал странными, подпрыгивающими скачками. Его знаменитый стальной пиджак был задран почти до ушей, а брюки... они болтались где-то на уровне колен, мешая ему сделать нормальный шаг. Но самым диким было не это. Вся задняя часть его фигуры, от поясницы до икр, была густо измазана чем-то ярко-желтым, склизким, в чем путались мелкие белые осколки.

— Смотрите! Что это у него?! — взвизгнула тетя Шура, выронив вилку.

Юра споткнулся, чуть не пропахав носом траву, и в этот момент я почувствовал, как по моей спине пробежал холодный разряд удовлетворения. Желтки. Он был весь в сырых яйцах. Десятки разбитых желтков стекали по его ногам, блестя в свете ламп.

Следом за ним, спотыкаясь на шпильках, неслась Римма. Весь её столичный лоск, который она так старательно выгуливала последние два часа, обсыпался, как дешевая штукатурка. Бежевый шелк был разорван на плече, тушь размазалась по лицу грязными потеками, а в волосах запуталась сухая солома. Она визжала — тонко, пронзительно, словно пожарная сирена, и этот звук резал уши пополам с гоготом перепуганных гусей.

А замыкала это шествие Надя.

Я невольно подался вперед, выходя из тени яблони. Надя. Тихая, вечно хлопочущая, безотказная Надя, которую брат привык воспринимать как предмет мебели, сейчас выглядела как воплощение древнего возмездия. Она бежала за ними босиком, высоко подняв голову, и в её руках березовая метла казалась не кухонным инвентарем, а карающим мечом. Её лицо было бледным, почти прозрачным в свете гирлянд, а глаза — два глубоких колодца, полных холодного, арктического льда.

— Держите её! Она с ума сошла! — завыл Юра, пробегая мимо стола.

Он попытался на ходу подтянуть брюки, но поскользнулся на собственной гордости, смешанной с яичным желтком. Его ноги разъехались, и он едва не снес сервировочный столик. Гости замерли. Я видел, как Петров из райцентра, тот самый, которому Юра еще десять минут назад втирал про «европейские стандарты», медленно опустил челюсть, а его жена безглаголиво прикрыла рот ладонью.

— Это что, яйца? — прошептал кто-то за столом. — Юрка, ты чего, в гнездо присел?

Хохот вспыхнул не сразу. Сначала это был одиночный смешок, но когда Юра, в очередной раз дернувшись, продемонстрировал всем присутствующим свою спину и заднюю часть брюк, покрытую ровным слоем липкой яичной жижи со скорлупой, двор взорвался.

— Гляди, Орёл-то наш ощищенный! — закричал Михалыч, выглядывая из-за угла сарая. — Ик... Надя, добавь ему под хвост!

Юра зарычал, пытаясь сохранить остатки лица, но Римма, добежав до него, вцепилась ему в рукав, разворачивая к гостям. Она что-то кричала про «ненормальную деревню» и «диких людей», но её никто не слушал. Все смотрели на Надю.

Она остановилась в центре круга, прямо под нитками сияющих ламп.

— Надя, остановись! — подал голос один из городских приятелей Юры, какой-то пухлый мужичок в очках, пытаясь сделать шаг в её сторону. — Ну, перепил мужик, с кем не бывает...

Я сделал два быстрых шага и встал у него на пути. Я не ударил его, просто посмотрел так, как научился на стройплощадках, когда нужно было заставить замолчать толпу разъяренных рабочих. Мужичок в очках икнул и попятился обратно к своему стулу.

— Не лезь, — тихо сказал я. — Это не твое дело. И ничье больше.

Надя даже не взглянула в нашу сторону. Она смотрела только на Юру. Брат в это время, окончательно запутавшись в штанинах, пятился задом к столу, где на почетном месте возвышался юбилейный торт. Тот самый, который Надя пекла три дня, называя его «Орлиным гнездом». Шоколадные

ветки, кремовые розы, десять лет жизни, упакованные в калории и сахар.

Юра врезался в ножку стола. Стол качнулся. Громоздкое сооружение из бисквита и шоколада на мгновение зависло в воздухе, а потом, подчиняясь законам гравитации и высшей справедливости, медленно съехало вниз.

Шлеп.

Прямо Юре на голову.

Крем скрыл его «стратегический» взгляд, шоколадные ветки запутались в волосах, а одна из серебристых свечей застряла за ухом. Юра замер, ошарашенный, обтекаемый тортом и яйцами одновременно. Это было настолько гротескно, настолько за гранью приличий, что смех гостей внезапно стих. Наступила та самая звенящая тишина, которая бывает только на похоронах или после крушения поезда.

И в этой тишине раздался новый звук.

Тайсон.

Наш альфа-гусь не любил шума на своей территории. И он определенно не любил Юру. Почувяв хаос, гусь вылетел из темноты, расправив крылья на добрых полтора метра. Он шипел, как перегретый паровоз.

— Ш-ш-ш-ш-а-а!

Тайсон нацелился ровно в лодыжку Юрия, которая еще не была измазана кремом.

— А-а-а-а! Уберите эту тварь! — завизжал брат, подпрыгивая на месте.

Торт на его голове качнулся, закрывая обзор окончательно. Юра, ослепший от крема и обезумевший от боли (клюв у Тайсона — не шутка), бросился в сторону ворот. Римма, поняв, что защитник из «Орла» сейчас никакой, кинулась следом, теряя на ходу туфлю.

Они бежали к внедорожнику, спотыкаясь и толкая друг друга. Я смотрел, как Юра пытается открыть дверь машины жирными от желтков руками, как он буквально зашвыривает визжащую Римму в салон и падает на водительское сиденье. Рев мотора, визг шин по гравию — и черный «лакированный» символ Юриного успеха скрылся за воротами, оставив после себя только облако пыли и запах жженой резины.

Я перевел взгляд на Надю.

Она всё еще стояла на том же месте. Метла выпала из её рук, глухо стукнувшись о землю. Гости, осознав, что шоу окончено, начали суетливо собираться. Никто не подходил к ней. Никто не предлагал помощи. Они просто хотели убраться подальше от этого пепелища, боясь запачкаться чужим горем.

Тетя Шура, подхватив сумочку, проскользнула мимо, стараясь не встречаться со мной взглядом. Михалыч ушел куда-то в сторону сараев, бормоча под нос что-то про «насос, который сам не починится».

Двор пустел. Через пять минут остались только мы — я, застывшая Надя и Тайсон, который важно расхаживал между разбитыми тарелками, подбирая куски шоколадного

«гнезда».

Я подошел к Наде. Остановился в метре, не решаясь коснуться. Она казалась мне сейчас сделанной из тончайшего стекла: одно неверное движение — и она рассыплется в пыль.

— Надя? — позвал я тихо.

Она медленно повернула голову. Её глаза... В них больше не было льда. Там была пустота. Черная, бездонная дыра, из которой выкачали всю жизнь, все десять лет надежд, стирки рубашек, варки борщей и веры в то, что «стерпится — слюбится».

— Виталий... — её голос был сухим, как осенний лист.
— Почему ты не уехал?

— Я не мог, — ответил я, сжимая кулаки так, что ногти впились в ладони. — Я не оставлю тебя здесь одну.

Надя посмотрела на ворота, которые Юра забыл закрыть. На пыль, осевшую на дорогах гирляндах. Потом на меня.

— Банкет окончен, — сказала она, и в её голосе прорезались те самые металлические нотки, которые я слышал в сарае. — Всё. Кончено.

Она развернулась и пошла к дому — босиком по грязной траве, мимо разбитых яиц и остатков торта. Её спина была прямой, как натянутая струна, но я видел, как мелко дрожали её плечи.

Я остался во дворе один. Поднял с земли брошенную метлу и прислонил её к забору. Праздник, к которому Надя го-

товилась три месяца, превратился в свалку. И в этой свалке, среди липких желтков и шоколадного крема, окончательно утонуло моё детство, в котором я когда-то уважал старшего брата.

Я посмотрел на небо. Там не было орлов. Там были только холодные, безразличные звезды.

— Ну что, Тайсон, — я посмотрел на гуся, который чистил перья от крема. — Пошли закрывать ворота. «Орлиный двор» закрыт на переучет.

Я запер калитку на тяжелый засов и пошел к дому. Я не знал, что скажу ей. Я не знал, позволит ли она мне остаться. Но я точно знал одно: я никуда не уйду. Больше — никогда.

Крючок: В окне кухни зажегся свет. Я вошел в дом и замер. Надя стояла у раковины и методично, яростно терла губкой чистую тарелку. Она не плакала. Она просто уничтожала грязь, которой её облили с головы до ног. И эта тишина в доме пугала меня больше, чем любой крик.

Глава 7

Холодный свет люминесцентной лампы на кухне резал глаза, выхватывая из темноты каждую мелочь: забытую на столе скомканную салфетку, липкое пятно от пролитого лимонада, одинокую вилку на полу. Оглушительная, ватная тишина после грохота юбилея и визгов Риммы давила на барабанные перепонки. Я стояла посреди этого сияющего кафельного стерильного ада и не знала, куда деть руки.

Адреналин, который гнал меня с метлой по двору, выветрился, оставив после себя лишь серую, тяжелую усталость и странное онемение. Будто мне ввели наркоз, но забыли предупредить, что он скоро перестанет действовать.

Я посмотрела на свои ладони. Под ногтями — шоколадная крошка от того самого торта, на запястье — след от браслета, который Юра подарил мне пять лет назад. Браслет я сорвала и бросила где-то на траве, даже не заметив когда.

Его больше нет. В этом доме больше нет Юрия. Нет его громогласного хохота, нет его запаха — смеси дорогого одеколona и табака, нет его вечного «Надь, где мои ключи?». Десять лет жизни только что улетели в трубу под визг шин его внедорожника. Три тысячи шестьсот пятьдесят дней. Почти девяносто тысяч часов я была «прикрытием тыла», «квочкой», «верной соратницей». Я строила этот «Орлиный двор» по кирпичику, по каждому лотку яиц, по каждой накладной.

И всё это для того, чтобы в финале меня назвали «квочкой» и променяли на девицу, которая не отличит инкубатор от микроволновки.

В горле встал комок, но слез не было. Была только сухость и жжение.

Я подошла к раковине и включила воду. Струя ударила по металлу с таким звоном, что я вздрогнула. Взяла губку, выдавила на неё столько средства, что пена полезла через края, и начала тереть. Сначала — чистую тарелку. Потом — столешницу. Потом — раковину.

Я терла так, словно под грязью скрывалась старая я, та самая Надежда, которая еще умела верить людям. Если я отмою этот дом до блеска, если я уничтожу малейший след пребывания здесь Риммы и её сандалового парфюма, может, мне станет легче дышать?

Я перешла на пол. Встала на колени, прямо в нарядном синем платье, которое стоило половины моей месячной прибыли. Шелк неприятно лип к коже, корсет врезался в ребра, но мне было плевать. Я яростно размазывала тряпку по плитке, вымывая швы, затирая воображаемые пятна.

Вот здесь, у окна, мы поставили этот стол в наш третий год. Юра тогда еще умел говорить «мы». Он обещал, что я буду королевой этого хозяйства, что мы станем самыми крупными поставщиками в области. А я верила. Я считала каждую копейку, я ходила в одних джинсах три года, чтобы мы могли купить первый профессиональный инкубатор. Я

засыпала над тетрадями учета, пока он «налаживал связи» в городских банях и ресторанах.

Всё это время я строила не дом. Я строила декорации для его самолюбования.

Тряпка в моих руках ходила ходуном. Я терла кафель так сильно, что костяшки пальцев побелели. Перед глазами стоял Юра в желтках и креме. Жалкий. Смешной. И от этого было еще большее — как я могла столько лет молиться на этого шута?

— Надя.

Голос Виталия прозвучал так тихо, что я сначала приняла его за игру воображения. Я не слышала, как открылась дверь, не слышала его шагов.

Я замерла, уперевшись руками в мокрый пол. Волосы выбились из прически и липли к лицу, плечи мелко дрожали от напряжения. Я не хотела, чтобы он меня видел такой. Разгромленной. На коленях в грязной воде.

— Уходи, Виталий, — прохрипела я, не оборачиваясь. — Банкет окончен. Я же сказала — все вон.

— Я не все, — он подошел ближе. Я видела его тяжелые ботинки в паре сантиметров от своей руки. — Хватит, Надя. Чище уже не будет. Ты сейчас просто сотрешь эмаль.

Я проигнорировала его. Снова макнула тряпку в ведро, подняв целое облако химической пены.

— Там еще во дворе... Тарелки... Осколки... Тайсон мо-

жет пораниться... Надо убрать. Всё надо убрать. Чтобы к утру ничего не напоминало...

Виталий не стал спорить. Он просто наклонился, обхватил мои ладони своими и мягко, но непреклонно отобрал тряпку. Его руки были горячими, сухими и удивительно сильными.

— Я всё убрал во дворе, — сказал он, глядя мне сверху вниз прямо в глаза. — Осколки собрал, мусор вывез. Тайсон спит. Слышишь? Тишина.

Он потянул меня за локти, заставляя подняться. Я встала, пошатываясь, как пьяная. Шелк платья был безнадежно испорчен — мокрые пятна, разводы от моющего средства. Я выглядела как городская сумасшедшая.

Виталий подвел меня к стулу и буквально усадил на него. Сам отошел к плите. Я наблюдала за его движениями — точными, экономными, лишенными того напускного изящества, которым так бравировал Юра. Он поставил чайник, нашел заварку, достал из шкафчика ту самую бутылку коньяка, которую мы открыли во дворе.

Я молчала, глядя, как он орудует на моей кухне. Было странно видеть здесь другого мужчину из рода Орловых. Мужчину, который не требовал обслуживания, а действовал сам.

Виталий поставил передо мной большую кружку. Пар от чая смешивался с резким ароматом алкоголя.

— Пей. Маленькими глотками. Тебя трясет.

Я обхватила кружку пальцами. Тепло начало медленно просачиваться в ладони, прогоняя ледяное оцепенение. Первый глоток обжег горло, заставив закашляться. Коньяк ударил в голову, немного расслабив спазм в груди.

Виталий сел напротив. Он не пытался начать «душеспасительную» беседу, не предлагал плакать у него на плече. Он просто сидел, положив свои большие узловатые руки на стол, и ждал.

Я смотрела на него через пар от чая. Он был похож на Юру и одновременно не имел с ним ничего общего. Те же резкие черты лица, та же порода, но в Виталии была какая-то внутренняя дисциплина, стержень, который Юра давно променял на дешевый блеск.

— Почему ты не уехал с ними? — спросила я, когда тишина стала совсем невыносимой. — Это же твой брат. Твоя девушка.

Виталий скривился, словно у него внезапно заболел зуб.

— Брат — не приговор. А Римма... — он замолчал на секунду, сжимая челюсти так, что на скулах заходили желваки. — Она никогда не была моей. Теперь я это понимаю. Она была просто красивой картинкой, которую я пытался себе навязать. Чтобы быть «как все».

Я сделала еще глоток. Внутри разливалось приятное тепло, а голова становилась легкой и пустой.

— Юра считает тебя неудачником, — зачем-то сказала я.
— Говорит, что ты витаешь в облаках со своими чертежами.
— Юра считает неудачниками всех, кто не умеет воровать или прогибать мир под себя, — спокойно ответил Виталий.
— Ему всегда было мало места. Ему всегда хотелось казаться больше, чем он есть на самом деле. Но раздутый пузырь рано или поздно лопается. Сегодня это произошло.

Я опустила голову. Обида, которую я так старательно вымывала с пола, вернулась. Она никуда не делась, просто при-
таилась в углах.

— Десять лет, Виталий. Я отдала этому человеку десять лет. Я думала, у нас семья. Думала, мы — команда. А оказалась «квочкой». Функция для поддержания жизнедеятельности его величества «Орла».

Я подняла глаза на него. Виталий смотрел на меня в упор. В его взгляде не было жалости, которая унижает. Там было что-то другое. Густое, темное, почти осязаемое.

— Ты никогда не была «квочкой», Надежда, — сказал он негромко. — Ты — это всё, что здесь есть настоящего. И он это знал. Поэтому и пытался тебя принизить, чтобы на твоём фоне не казаться таким ничтожеством.

Я замолчала, переваривая его слова. Глоток чая, глоток коньяка. Время замерло. Казалось, за стенами этой кухни нет никакого «Орлиного двора», нет разоренного праздника, нет

будущего. Только этот круг света под лампой и человек напротив.

— Ты знал? — вопрос вылетел прежде, чем я успела его обдумать.

Виталий замер. Его пальцы, сжимавшие кружку, побелели. Он не отвел взгляд, не попытался увильнуть.

— О чем именно, Надя?

— О них. О Римме и Юре. Там, в городе... или когда вы только ехали сюда? Ты видел, как он на неё смотрел? Как она... — я запнулась, не в силах произнести вслух то, что видела в сарае.

Виталий молчал долго. Так долго, что я слышала гул крови в ушах. За окном пронзительно вскрикнула какая-то ночная птица.

— Догадывался, — наконец выдавил он. Голос его стал еще глуше. — Заметил еще в машине, когда мы из города выезжали. Увидел, как он ловит её взгляд в зеркале. Как она... провоцирует его.

Он резко встал, подошел к окну и уперся руками в подоконник, повернувшись ко мне спиной. Широкие плечи напряглись под тонкой тканью футболки.

— Прости, Надя. Прости, что не сказал сразу. Я не хотел верить. Хотел думать, что мне кажется, что я просто параноик.

Он обернулся. В его глазах полыхнула такая яростная, неприкрытая злость, что я невольно отпрянула. Но эта злость

была адресована не мне.

— Прости, что не убил его раньше, чем он успел вытереть об тебя ноги, — добавил он, и в его голосе прозвучал металл. — Я видел, что он делает с тобой все эти годы. Как он выпивает из тебя жизнь. Но сегодня... сегодня он перешел черту, из-за которой не возвращаются.

Я сидела, оцепенев, с кружкой в руках. Я ждала, что он начнет защищать семейную честь, просить за брата, говорить, что «мужчины полигамны». Но Виталий... Виталий Орлов только что вынес приговор своему единственному брату.

И в этом приговоре я внезапно почувствовала свою первую, маленькую победу.

— Иди спать, Надя, — Виталий подошел и легонько коснулся моей макушки. — Завтра будет новый день. И завтра мы решим, что делать дальше.

Я послушно встала. Ноги были ватными. Я пошла к лестнице, чувствуя его взгляд на своей спине.

Я зашла в нашу — нет, теперь уже мою — спальню. Здесь всё еще пахло его духами. Я сорвала постельное белье, скомкала его и выбросила в коридор. Достала из шкафа чистый комплект, пахнувший лавандой и свежим ветром.

Легла. Закрыла глаза. Дом дышал. Где-то внизу едва слышно звякнула посуда — Виталий домывал то, что я не успела.

Я думала, что в первую ночь одиночества я буду выть от

боли. Но я просто лежала в темноте, слушая тишину. И впервые за десять лет эта тишина не казалась мне пустой. Она казалась наполненной чем-то новым. Тем, что Виталий называл «новым днем».

Я почти заснула, когда услышала, как внизу хлопнула входная дверь. Виталий вышел на крыльцо. Я приподнялась на локте и выглянула в окно. Он стоял внизу, глядя на ворота, подставив лицо ночному ветру. И в его позе было столько решимости, что мне вдруг стало страшно. Страшно от того, что этот парень, которого я считала просто «младшим братом», может оказаться для меня куда опаснее, чем все Юрины измены вместе взятые. Потому что измена убивает веру в мужчин. А такая преданность, как у Виталия... она заставляет снова начать чувствовать. А к этому я была совершенно не готова.

Глава 8(Юрий)

(от лица Юрия)

Солнечный луч, наглый и колючий, пробился сквозь засиженное мухами стекло и вонзился мне прямо в левый глаз. Я попытался отвернуться, но голова отозвалась такой детонацией, будто внутри черепной коробки кто-то со всего размаху ударил в церковный колокол.

— Твою же мать... — прохрипел я, пытаюсь разлепить веки.

Во рту было так сухо, словно я всю ночь жевал наполнитель для кошачьего туалета. Я попытался пошевелиться, и тут же правую ногу прострелило острой, пульсирующей болью. Воспоминания о вчерашнем вечере обрушились лавиной, погребая под собой остатки мужского достоинства. Сарай. Гнездо. Яйца. Метла. И этот чертов белый монстр с клювом-пассатижами...

Я сел на диване, который под моим весом издал предсмертный хруст. Это была берлога моего старого друга Вовки — холостяцкая конура на окраине города, пропахшая старыми пельменями, дешевым табаком и немытыми носками. Вовка вчера даже не задавал вопросов, просто выдал ключи, буркнув что-то про «ну, ты, Орел, даешь», и свалил к очередной подруге.

Я посмотрел на себя. Стальной пиджак, моя гордость, вы-

глядел так, будто в нем похоронили омлет. На лацкане запекся бурый след от шоколадного крема, рукав в каких-то белых чешуйках... Скорлупа. Я попытался стряхнуть её, но она намертво присохла к дорогой ткани вместе с желтком.

Я стянул носок, шипя от боли. На щиколотке красовался багрово-синюшный отпечаток — Тайсон, этот пернатый дьявол, приложился от души. Нога распухла, горела и дергала.

— Скотина ошипанная, — процедил я сквозь зубы, обращаясь не то к гусю, не то к самому себе. — Ну, Надька. Ну, устроила представление. Довольна теперь?

Я ожидал, что телефон разрядится от её звонков. В моей голове сценарий был прописан четко: Надя проплачется, поймет, что ферма без «главного калибра» — то есть без меня — развалится к чертям за пару дней, и начнет обрывать трубки. Будет просить прощения за метлу, за позор перед гостями, за то, что выставила меня в таком виде. А я еще подумаю, возвращаться или нет. Помурюжу её недельку в городе, пусть почует, каково это — самой за всё отвечать.

Но экран смартфона был девственно чист. Ни одного уведомления. Ни одного пропущенного.

В углу, на горе каких-то старых газет, зашевелилось нечто розово-бежевое. Римма. Моя вчерашняя «королева» выглядела сейчас как побитая молю кукла. Тушь размазалась, превратив её глаза в две черные дыры, шелковый костюм, который еще недавно подчеркивал все ее прелести, был безнадежно испорчен.

— Юра-а-а... — простонала она, садясь и озираясь с явным ужасом. — Где мы? Что это за помойка? У меня всё болит... И этот запах! Меня сейчас вырвет!

Я поморщился. Вчера её капризный голос казался мне сексуальным, сегодня же он сверлил мозг не хуже бормашины.

— У друга мы, Римма. Потерпи. Вчера был... небольшой инцидент.

— Инцидент?! — она взвизгнула, вскакивая на ноги. — Эта твоя сумасшедшая курица отходила меня веником! У меня вся спина в полосах! Мой костюм за сто тысяч превратилось в тряпку! Я хочу в душ! Я хочу нормальный завтрак! И верни мои вещи, они остались в том проклятом доме!

Я посмотрел на её перекошенное лицо и вдруг с тоской вспомнил Надю. Надя никогда не орала по утрам. Она просто вставала в пять, варила кофе и тихо уходила в птичники, пока я досматривал сны. С Надей было... удобно. Надежно. А Римма... Римма была аксессуаром для триумфа, а не для сидения в Вовкиной однушке.

— Хватит ныть, — я встал, чувствуя, как кружится голова. — Сейчас приведу себя в порядок, съезжу в магазин, куплю пожрать и мазь какую-нибудь. Всё решим. Надя переберется, и мы заберем вещи. Она никуда не денется, она без меня — никто. Пустое место в резиновых сапогах.

Я зашел в ванную. В зеркале отразилось нечто ужасающее: шоколад на лбу засох коркой, в волосах запуталась скорлупа.

па. Я долго и яростно отмывался холодной водой — горячей у Вовки, судя по всему, не водилось со времен Олимпиады-80. Пиджак пришлось бросить в угол — восстановлению он не подлежал. Хорошо, что в багажнике внедорожника всегда валялась дежурная куртка и чистая футболка.

Выйдя из подъезда, я с облегчением вдохнул уличный воздух. Моя машина стояла во дворе — единственный яркий островок среди этого убожества. Огромный, черный, мощный. Мой символ власти. Глядя на него, я снова почувствовал себя Орлом.

«Ничего, Наденька, — думал я, выруливая со двора. — Посидишь пару дней без мужского плеча, зароешься в накладных и кормах, тогда и поговорим. Узнаешь, кто в доме стратег, а кто — просто рабочая сила».

Я припарковался у крупного супермаркета. Нога ныла, но я старался не хромать — Орлы не хромают. В магазине я действовал с привычным размахом: упаковка лучшего зернового кофе (для Риммы, чтоб заткнулась), блок дорогих сигарет, корзина деликатесов — сыр, хамон, вино. Плюс в аптечном отделе взял мазь от ушибов и набор пластырей. Набралось прилично.

На кассе я стоял с тем самым видом человека, которому принадлежит весь этот мир. Передо мной какая-то старушка долго копалась в кошельке, высчитывая мелочь за пакет молока. Я демонстративно посмотрел на часы, всем видом показывая, как дорого стоит моё время.

— С вас восемь тысяч четыреста рублей, — монотонно произнесла кассирша, даже не глядя на меня.

Я вальяжно достал портмоне. Из специального отделения, отделанного кожей крокодила, я извлек свою «золотую» карту. Нашу общую карту, привязанную к счету ИП «Орлов». Моё главное оружие.

— Пожалуйста, — я приложил карту к терминалу.

Раздался короткий сигнал, и на экране высветилось: «Ввод ПИН-кода». Я уверенно набрал цифры. Четыре щелчка. Пауза. Терминал задумался, мигая зеленым огоньком. Я уже потянулся за пакетами, когда воздух прорезал противный, длинный и резкий звук. Писк отказа.

— Отказ, — равнодушно сказала кассирша. — Попробуйте еще раз.

Я нахмурился.

— Наверное, связь барахлит. У меня там приличный остаток.

Я приложил карту снова. Снова ПИН-код. Снова пауза, от которой у меня внутри начало расти нехорошее предчувствие. И снова — этот мерзкий, издевательский писк.

«НЕДОСТАТОЧНО СРЕДСТВ», — высветилось на экране крупными буквами.

— Мужчина, не задерживайте очередь, — подал голос парень сзади. — Нет денег — не берите столько.

— У меня есть деньги! — рявкнул я, чувствуя, как лицо

заливает краска. — Это ошибка банка!

Я вытащил вторую карту — кредитку. Снова отказ. «КАРТА ЗАБЛОКИРОВАНА».

Внутри всё похолодело. Я выскочил из магазина под презрительными взглядами очереди, оставив корзину на кассе. Сбежал, как мальчишка, которого поймали на краже яблок.

Сев в машину, я трясущимися руками достал телефон и вошел в банковское приложение. Палец соскользнул с экрана. «Неверный пароль», — высветилось на экране. Еще раз. Снова ошибка.

До меня начало доходить. Медленно, как тяжелый грузовик на подъеме.

Надя.

Тихая, покорная Надя, которая никогда не лезла в мои финансовые «многоходовочки», знала все пароли. Потому что она сама всё это настраивала. Пока я «стратегировал» на диване, она вносила данные, подтверждала платежи и вела бухгалтерию.

Она не просто выгнала меня. Она обрубилa мне кислород. Она залезла в мой кошелек и просто выключила свет.

— Ах ты ж... квочка, — выдохнул я, ударив кулаком по рулю.

Я вспомнил её взгляд вчера во дворе. Холодный. Пустой. В нем не было ни капли той женщины, которой я привык помыкать.

Она заблокировала бизнес-счета. Она аннулировала мои

карты. Она оставила меня в этом городе с полным баком бензина и пустыми карманами.

Я откинулся на сиденье, чувствуя, как ярость закипает в горле, мешая дышать. Это была не просто измена жены. Это был бунт на корабле. И этот бунт я собирался подавить максимально жестко.

— Ну, погоди, Надежда, — прошипел я, глядя в лобовое стекло. — Ты думаешь, что если у тебя ключи от сейфа, то ты стала хозяйкой? Ты забыла, на чьем имени держится эта ферма. Ты забыла, кто здесь Орел.

Я резко завел мотор. Мне нужно было время. Нужно было найти способ вернуть доступ к деньгам. И нужно было проучить эту бабу так, чтобы она до конца жизни боялась поднять на меня глаза.

— Поиграем в войну? — я хищно усмехнулся, хотя в глубине души уже закрался липкий страх. — Хорошо. Но помни: Орлы никогда не сдаются.

Я рванул с парковки, даже не заметив, что на заднем сиденье валяется пустая пачка от сигарет — всё, что у меня осталось от былой роскоши. Впереди был город, полный людей, которые еще вчера заискивали передо мной, а сегодня... сегодня я должен был сделать так, чтобы они об этом не узнали.

Я не поеду к ней сегодня. Я накажу её молчанием. Пусть посидит без моих указаний, пусть посмотрит, как ферма начинает сыпаться без хозяина. Но в понедельник... в понедельник я вернусь. И тогда «Орлиный двор» содрогнется. Я

еще не знал, что в этот самый момент Надя уже меняла замки на воротах и подписывала документы, которые навсегда вычеркивали моё имя из реестра владельцев.

Глава 9

Пять утра не спрашивают, разбито ли у тебя сердце и сколько часов ты прорыдала в подушку. В пять утра у птицы начинается свой закон, и этот закон диктует пустые кормушки. Я открыла глаза, и в первую секунду всё было как обычно: серый рассветный туман за окном, далекий гортанный выкрик Тайсона и привычная тяжесть в пояснице.

Я машинально повернулась на правый бок, протягивая руку, чтобы коснуться плеча Юры. Пальцы скользнули по ледяной, идеально натянутой простыне. Лаванда. Вчера я вылила полфлакона кондиционера, пытаюсь вытравить из этой комнаты запах сандала, пудры и предательства.

Сознание обрушилось на меня как мешок с комбикормом — тяжело, пыльно, выбивая дух. Юры нет. Юра в городе, в желтках и позоре. А здесь — я, пятьсот несущек и абсолютная, звенящая пустота огромного дома, который мы строили вдвоем, а защищать пришлось мне одной.

Я заставила себя сесть. Тело ощущалось чужим, неповоротливым, словно за ночь я превратилась в одну из тех соляных статуй, о которых пишут в старых книгах. Спустила ноги на пол, нащупала старые тапочки. В зеркале шкафа отразилось нечто бледное, с опухшими веками и всклокоченными волосами.

— Ну и ладно, — прохрипела я своему отражению. —

Орлы, значит, в небе, а квочки — на земле. Посмотрим, как твое небо без моих зерен выстоит, Юрочка.

Я натянула рабочую форму: застиранные джинсы, растянутую футболку и старую штормовку. Собрала волосы в тугой, злой пучок. Сейчас мне не нужны были маски, о которых вчера распинаясь муж. Мне нужна была броня.

На улице август дышал предрассветной сыростью. Я вышла на крыльцо, и взгляд невольно метнулся к воротам. Они были заперты на тяжелый засов — Виталий закрыл их вчера, когда последний гость, спотыкаясь об обрывки праздничных лент, покинул пепелище моей семейной жизни.

Двор выглядел странно. Чисто, почти стерильно — Виталий убрал осколки посуды и остатки того злосчастного торта, но примятая трава у беседки и темное пятно на дорожке, где поскользнулся Юра, всё еще кричали о катастрофе.

«На заднем дворе внезапно ожил наш старый рабочий пикап, который Юра брезгливо называл "вонючим корытом" и годами мечтал сдать в металлолом. Виталий за утро не только реанимировал эту грудку ржавого железа, но и заставил мотор урчать так уверенно, словно колымага наконец-то обрела настоящего хозяина».

Ноги сами понесли меня к старому сараю. Я знала, что мне туда не надо, что там — эпицентр моей боли, но фермерская привычка была сильнее. Там, в углу, хранились запасы зерна, которые нужно было смешать с премиксом.

Я толкнула дверь. Скрип прорезал утреннюю тишину, как

скальпель. Внутри всё еще пахло пылью и... ими. Запах Риммы, этот сладкий яд, казалось, вьелся в сами доски стен. Я увидела раздавленную корзину в углу. Желтки за ночь подсыхли, превратившись в некрасивую темную корку на полу.

Меня накрыл приступ тошноты. Я схватила ведро с водой, стоявшее у входа, и выплеснула его на пол. Грязь потекла к порогу. Я схватила ту самую метлу, которая вчера стала моим мечом, и начала тереть. Неистово, до скрипа, до того, чтобы руки заныли. Мне нужно было вымести их отсюда. Из сарая, из дома, из своей памяти.

— Попались, голубчики... — шептала я, сдирая прутьями засохшую скорлупу. — Идите-ка вон. Все вон.

Закончив, я стояла, тяжело дыша. Легче не стало. Стало просто чище.

В шесть пятнадцать я пошла к подсобке Михалыча. Наш единственный работник должен был уже вовсю греметь ведрами. Но в подсобке стояла тишина, нарушаемая лишь тяжелым, прерывистым храпом.

Я толкнула дверь. Михалыч лежал на кушетке в сапогах, раскинув руки. Рядом на полу сиротливо примостились две пустые «чекушки» и надкусанный огурец. Юбилей хозяина Михалыч отметил по-своему, с размахом, перешедшим в глубокий нокаут.

— Михалыч! — я потрясла его за плечо. — Вставай, ирод! Птица не кормлена!

Он только причмокнул во сне и повернулся на бок, что-то

невнятно пробормотав про «царствие небесное».

Я вышла на улицу, чувствуя, как наваливается отчаяние. Михалыч в отключке. Юра в городе. Значит, пятьсот кур, чистка вольеров, сбор яиц и бесконечная беготня с ведрами — всё на мне. А еще — бухгалтерия, заказы и звонки, которые начнутся через пару часов.

Первый час работы прошел как в тумане. Я таскала ведра с водой, разбрасывала корм. Птица волновалась, чувствовала нервную дрожь в моих руках. Тайсон ходил за мной по пятам, подозрительно косясь на мои пустые глаза. Он словно понимал: главная кормушка в этом доме сломалась, и теперь всё держится на честном слове.

К восьми утра я поняла, что не справляюсь. Птицы в третьем секторе начали шуметь — там забился автоматический поильник, и вода заливала пол. Мне нужно было перетащить три тяжелых ящика с готовой продукцией в холодильник, чтобы освободить место для утреннего сбора.

Я подошла к стеллажам. Деревянные ящики, груженные десятками яиц, всегда казались мне неподъемными, когда их таскал Юра. Теперь выбора не было.

— Сама, Надя. Всё сама, — пробормотала я, хватаясь за выступы первого ящика.

Я уперлась ногами в грязный пол, сделала глубокий вдох и рванула тяжесть вверх. Ящик поддался, я сделала два шага, и в этот момент в пояснице что-то коротко и злобно хрустнуло. Боль была такой мгновенной и острой, что в глазах по-

темнело.

— Ох... — выдох вырвался вместе со стоном.

Руки разжались сами собой. Ящик рухнул на пол с глухим стуком. Я услышала хруст скорлупы — очередная партия «жидкого золота» растекалась по бетону. А потом меня повело в сторону. Ноги стали ватными, и я медленно осела на пол, прямо в пыль, перья и разбитые надежды на собственное всемогущество.

Я сидела, привалившись спиной к холодной стене склада, и смотрела на желтое пятно у своих ног. Боль в спине пульсировала, отдавая в ногу при каждом вдохе. И именно в этот момент меня прорвало. Не от измены Юры. А от этого разбитого ящика. От того, что я не могу даже это.

Слезы, крупные и злые, покатались по щекам, оставляя грязные дорожки на запыленном лице.

Я плакала навзрыд, закрыв лицо грязными ладонями. Рыдания сотрясали всё тело, отзываясь в сорванной пояснице тупыми ударами молота. В этот момент я ненавидела Юру больше, чем когда застала его в сарае. Ненавидела за то, что он приучил меня быть сильной, а потом оставил один на один с этой силой, которая теперь раздавливала меня, как тот злосчастный ящик.

— Доярка... — всхлипнула я, размазывая по лицу смесь слез и пыли. — Квочка... Ну и смотри, Орел, как твоя квочка в навозе тонет!

Я не слышала шагов. В курятнике всегда стоял такой шум,

что человеческие звуки тонули в нем, как в вате. Но внезапно свет, бивший из открытых дверей склада, перекрыла чья-то широкая тень.

Я замерла, перестав дышать. Сердце подпрыгнуло к самому горлу. Неужели вернулся? Приехал качать права или забирать остатки вещей? Я судорожно вытерла глаза рукавом, готовясь снова схватиться за что-нибудь тяжелое.

Но это был не Юра.

Виталий стоял в дверном проеме, и я не сразу его узнала. На нем была старая, выцветшая рабочая роба — кажется, он нашел в кладовке вещи Михалыча или откопал свои старые, десятилетней давности. Штаны были коротки, открывая крепкие лодыжки, рукава плотной куртки закатаны до локтей. В руках он держал тяжелые кожаные перчатки.

— Надя? Ты цела? — он шагнул в полумрак склада, и его голос, низкий и спокойный, разрезал мою истерику, как нож масло.

— Уходи! — я попыталась встать, но спину тут же прошила раскаленным штырем, и я со стоном опустилась обратно. — Убирайся, Виталий! Слышишь? Видеть больше не могу никого с вашей фамилией! Езжай к брату, утешай его, или Римму свою ищи... А меня оставь в покое!

Виталий даже не замедлил шаг. Он подошел вплотную, присел на корточки рядом и внимательно посмотрел на разбитый ящик, а потом — на мои дрожащие руки.

— Ногой пошевелить можешь? — спросил он, игнорируя

мой крик.

— Могу я всё! Просто спину прихватило... — я отвернулась, до боли прикусив губу, чтобы снова не разрыдаться. — Зачем ты переоделся? Собирай вещи и уезжай, пока я... пока я еще что-нибудь не разбила.

— Хватит геройствовать, Надя. На тебя смотреть больно, — он встал и, не спрашивая разрешения, подхватил меня под мышки, помогая подняться.

Я попыталась оттолкнуть его, но руки были как ватные. Виталий довел меня до старой скамьи у входа, усадил и просто придавил ладонью к плечу, не давая вскочить.

— Сиди здесь. Не шевелись. Я сейчас принесу мазь и лед.

— Да не надо мне... — начала я, но он уже развернулся.

— Надо, Надя. Сядь и не мешай мне. Пожалуйста.

Последнее «пожалуйста» прозвучало так непривычно для мужчины в этом доме, что я замолчала.

Следующие несколько часов я наблюдала за тем, чего не видела в «Орлином дворе» никогда. Виталий работал. Молча, без пафоса, без криков «Михалыч, где тебя черти носят!». Он взял лопату и за десять минут убрал месиво из разбитых яиц и пыли. Потом он подхватил те самые «неподъемные» ящики и, играя мышцами на спине, перетащил их в холодильник, словно они были набиты пухом, а не тяжелой продукцией.

Я сидела, прижав к пояснице пакет с замороженным горошком, который он притащил из дома, и чувствовала себя

лишней деталью в собственном механизме.

— Насос в третьем секторе я починил, — бросил он, проходя мимо меня с пустыми ведрами. — Там просто забился клапан. Юра говорил, что он сломан?

— Полгода обещал вызвать мастера, — тупо ответила я.

— Понятно. Мастер не нужен, нужны руки из того места.

Виталий скрылся в птичнике. Я слышала, как он разговаривает с птицей — не орет, не шумит, а издает какие-то успокаивающие звуки. Тайсон, который обычно встречал моего «Орлова» в робе попыткой откусить кусок икры, сейчас просто шел за Виталием, важно переваливаясь и изредка гогоча, словно давал советы.

К обеду всё было сделано. Птица накормлена, поилки чистые, яйца собраны и упакованы. Михалыча Виталий нашел, облил ледяной водой из шланга и запер в подсобке, велел «проспать, пока живой».

Вечер опустился на ферму внезапно. Боль в спине немного утихла, сменившись тупой ноющей тяжестью. Я сидела на кухне, обложенная подушками, и смотрела, как Виталий моет руки под краном. В доме пахло жареной картошкой — он умудрился еще и ужин сообразить из того, что нашел в холодильнике. От вчерашнего пиршества мало что осталось, гости успели смести практически все.

— Ешь, — он поставил передо мной тарелку. Сам сел напротив, вытирая руки полотенцем.

Я взяла вилку, но есть не могла. Горло всё еще саднило.

— Виталий, ты ведь понимаешь, что это не может продолжаться? У тебя работа в городе, проекты, Римма... Тебе нужно ехать. Я справлюсь. Насчет Михалыча... я найду другого помощника.

Виталий медленно поднял на меня глаза. В тусклом свете кухонной лампы он казался старше своих двадцати пяти. В его взгляде не было той юношеской легкости, которую я помнила.

— Римма — это закрытая книга, Надя. Я сегодня удалил её номер. Она не вернется сюда, а я не вернусь к ней. Мы оба это знаем.

Он полез в карман рубы и достал сложенный вдвое лист бумаги. Положил его на стол и пододвинул ко мне.

— Что это? — я нахмурилась, не спеша брать бумагу.

— Моё заявление на отпуск за свой счет. На два месяца. Я отправил его сегодня утром по электронной почте, руководство подтвердило. У меня были неиспользованные отгулы за три года.

Я уставилась на лист, где черным по белому значилась фамилия «Орлов В.А.».

— Зачем, Виталий? Зачем тебе гробить лето в этой дыре, убирая за братом навоз? Тебе жалко меня?

Виталий отодвинул свою тарелку и подался вперед. Его лицо оказалось совсем близко, и я невольно отметила, как сильно он отличается от Юрия — в нем не было этой вечной

жажды казаться главным, в нем была сама суть силы.

— Мне не жалко тебя, Надя. Жалость — это для слабых. А ты — самая сильная женщина, которую я когда-либо знал. Я остаюсь не ради брата. С ним я покончил вчера в сарае. Я остаюсь ради справедливости. И потому, что я не дам тебе здесь надорваться. Одной тебе это хозяйство не вывезти, а я не позволю Юре радоваться тому, что ты приползла к нему просить помощи.

Я смотрела на него, и внутри меня что-то дрогнуло. Это была не любовь, нет. Это было чувство человека, который тонул и вдруг нащупал под ногами твердое дно. Но дно это было опасным. Потому что этот человек был братом моего мужа.

— Ты остаешься? — переспросила я, словно не веря.

— Я остаюсь, — повторил он, и его голос прозвучал как обет. — Ешь, Надя. Завтра тяжелый день. Нам нужно разобрататься с поставщиками и заблокировать счета, пока Юра не опомнился.

Я взяла вилку и сделала первый глоток чая. Горячая жидкость согрела изнутри. Я понимала, что моё одиночество, к которому я так готовилась, откладывается. И, глядя на спокойные, уверенные руки Виталия, я впервые за десять лет почувствовала, что небо над «Орлиным двором» может быть не только полем битвы, но и местом для жизни.

Крючок: Я доела картошку, чувствуя, как веки наливаются свинцом. Виталий молча убрал тарелку и начал мыть по-

суду. Я смотрела на его широкую спину и думала о том, что Юра там, в городе, наверняка ждет моего звонка. Он думает, что я сломаюсь без него. Он не знает, что у «квочки» теперь есть крылья, о которые он обломает свой кривой клюв. Но еще меньше он знает о том, что его младший брат только что занял его место за моим столом. И, кажется, уходить не собирается.

Глава 10

Зеркало в прихожей не льстило, но и не врало. Я смотрела на своё отражение и видела женщину, которая собралась не за хлебом, а на линию фронта. Белая блузка, накрахмаленная так, что воротничок царапал подбородок. Джинсы, отглаженные по стрелкам. Волосы стянуты в такой тугий узел, что разгладились даже те мелкие морщинки у глаз, которые Юра называл «моими милыми лучиками», пока не променял их на ботоксный блеск Риммы.

Спина отозвалась сухой, колючей болью, когда я нагнулась застегнуть сандалии. Я замерла, вцепившись в край комода, и дождалась, пока перед глазами перестанут плавать серые пятна.

— Надя, может, я всё-таки подброшу? — Голос Виталия донесся со двора.

Я выпрямилась, преодолевая сопротивление собственного тела. Виталий стоял у открытого капота старого пикапа, вытирая руки ветошью. На нем была та самая рабочая роба, которая удивительно шла его широким плечам. За эти пару дней он словно врос в пейзаж «Орлиного двора», став его естественной частью.

— Нет, Виталь. Пройдусь. Погода хорошая.

— Погода жаркая, — возразил он, прищурившись на солнце. — А ты бледная. И спина у тебя не железная, Надь.

— Спина справится. Как и всё остальное.

Я вышла за калитку, не оборачиваясь. Я знала, что он смотрит мне в след. В этом его взгляде не было привычного Юриного контроля — «куда пошла, зачем, когда будешь?». Было что-то другое, более тяжелое и... надежное.

Деревня Ясное полностью оправдывала своё название. Солнце заливало пыльные улицы, в палисадниках буйствовала золотая шапка рудбекии, а воздух дрожал от стрекота кузнечиков. Но стоило мне ступить на главную дорогу, как пастораль дала трещину.

Разговоры за заборами затихали, едва я приближалась. Тетя Валя, вечно торчащая над своими грядками, внезапно увлеклась прополкой так усердно, что едва не зарылась в землю носом, лишь бы не здороваться. Сосед Коля, чинивший велосипед у калитки, вдруг резко уронил ключ и полез за ним в лопухи.

Я шла, чеканя шаг. Каждое движение отдавалось в пояснице, но я держала голову так высоко, словно на ней была корона, а не невидимое клеймо «брошенки». Я чувствовала их взгляды спиной. Липкие, как паутина, тяжелые от фальшивого сочувствия.

На почте было прохладно и пахло сургучом. Леночка, почтальонша с глазами вечно испуганного олененка, завидев меня, вскинулась и тут же принялась суесться.

— Ой, Надюша... Здравствуй. Тебе счета?

— Здравствуй, Лена. Счета и уведомления, если есть.

Она протянула мне пачку писем, стараясь не касаться моих пальцев, словно развод — это заразная болезнь.

— Надюш... — Она замялась, глядя на меня с такой невыносимой жалостью, что мне захотелось содрать эту крахмальную блузку. — Если тебе... ну, если Юра всё-таки не вернется... мой Степан может в субботу прийти. Крышу там подлатать или забор. Ты только скажи. Мы же понимаем, каково это — одной-то.

— Спасибо, Лена. Крыша в порядке. И забор тоже.

Я вышла, чувствуя, как внутри закипает глухая, черная ярость. «Одной-то». Это слово преследовало меня всю дорогу. Оно липло к подошвам, летело вслед с тополиным пухом. Деревня уже похоронила мой брак, мою ферму и меня саму заодно.

Магазин «У Петровича» встретил меня привычным звонком колокольчика. Внутри было тесно и душно. Пахло свежим хлебом, селедкой и дешевым стиральным порошком. У прилавка стояли три женщины — Люда, кума тети Шуры, и еще две соседки из «дальних».

Тишина наступила мгновенно. Такая плотная, что её, казалось, можно было резать ножом для колбасы. Я молча встала в очередь.

— А я и говорю, — вдруг раздался резкий, нарочито громкий шепот Люды. Она даже не обернулась, просто продолжала смотреть на витрину с консервами. — Мужик — он же как кобель. Если его дома только кормом да работой потчу-

ют, он на волю глядеть начнет.

— И то верно, — подхватила вторая, поправляя платок. — Надька-то наша работающая, спору нет. Но мужику-то не тягловая лошадь нужна, а баба. А она? Вечно в сапогах, вечно в перьях. Запустила она себя. Вот Юрка на свеженькое и клюнул. В городе-то девки вон какие — гладкие, пахучие.

— Жалко её, конечно, — вздохнула Люда, и в этом вздохе было столько яда, что им можно было отравить всех моих кур. — Теперь-то ферма их точно загнетса. Где ей, непутевой, одной такой воз тащить? Продаст всё за гроши и пойдет к сестре в город в ножки кланяться. Сама виновата. Слишком много на себя брала, вот пупок-то и развязался.

Я стояла за их спинами, и мне казалось, что я голая. Каждое слово — как удар хлыста по открытой ране. Они судили мою жизнь, мои мозоли и мои бессонные ночи так легко, словно обсуждали сорт картошки. Юра — «кобель», но «крепкий», а я — «виноватая лошадь».

— Следующий! — крикнул Петрович, хозяин магазина.

Женщины суетливо расступились, пропуская меня к прилавку, но продолжали сверлить взглядами мой затылок. Петрович, грузный мужчина с добрыми, но слишком понимающими глазами, неловко кашлянул.

— Надя... Здравствуй. Тебе как обычно?

— Соль крупную, два мешка по пять килограмм. И хлеба две буханки.

Петрович выставил товар на прилавок. Когда я потянулась

за кошельком, он накрыл мою руку своей тяжелой ладонью.

— Надь... Ты это... Деньги убери. За соль сегодня не надо. И хлеб... возьми так. По-соседски. Тяжело тебе сейчас будет, мы же понимаем. Всё село понимает.

Это было хуже, чем шепот за спиной. Это была милостыня. Соль за пятьдесят рублей как плата за моё унижение.

— Уберите руку, Петрович, — сказала я. Голос мой прозвучал так тихо и холодно, что он мгновенно отпрянул. — Я не прошу подачек. Я плачу за свой товар сама. Всегда платила.

Я швырнула купюру на прилавок. Сдачу забирать не стала — просто подхватила мешки. Спина отозвалась резкой, ослепляющей вспышкой боли, но я даже не поморщилась.

Я шла к выходу, чувствуя, как в горле встает горький ком. Слезы жгли веки, но я знала: если я заплачу сейчас, здесь, перед ними — я проиграю. Они будут смаковать мои слезы за вечерним чаем.

Я толкнула тяжелую дверь магазина и буквально вывалилась на крыльцо, жадно хватая ртом раскаленный воздух. В глазах потемнело. Я сделала шаг, запнулась о неровную доску порога и неминуемо рухнула бы вниз, если бы меня не подхватили.

Крепкие руки обхватили меня за плечи, возвращая равновесие. Я уткнулась лбом в чью-то грудь — жесткую, обтянутую плотной тканью робы. Запахло бензином, опилками и... надежностью.

— Тише, Надя. Упадешь.

Я вскинула голову. Виталий.

Он стоял на крыльце, загораживая собой проход. По его лицу — окаменевшему, с резко обозначившимися скулами — я поняла: он слышал всё. Он стоял здесь, за дверью, и слушал, как эти бабы втоптывают меня в грязь.

Я попыталась отстраниться, но он не пустил. Его пальцы сжали мои плечи чуть сильнее, чем требовала вежливость. Он смотрел не на меня, а куда-то поверх моей головы, внутрь магазина, где за стеклом притаились сплетницы. И в этом его взгляде было столько тяжелой, мужской угрозы, что в магазине, кажется, даже холодильники перестали гудеть.

— Отпусти, Виталий... — прошептала я, чувствуя, что еще секунда — и я сорвусь. — Все смотрят.

— Пусть смотрят, — отрезал он.

Он молча забрал у меня мешки с солью, перекинув их через плечо так, словно они ничего не весили. Другой рукой он взял меня под локоть — властно, непреклонно, не оставляя выбора.

— Пойдем к машине. Я припарковался за углом.

— Ты же обещал не ехать за мной...

— Я много чего обещаю, Надя, — бросил он, увлекая меня за собой вниз по ступеням. — Но я не обещал, что буду стоять в стороне, когда тебя пытаются заживо похоронить.

Мы шли к машине, и я чувствовала, как меняется ритм моих шагов. Я больше не «чеканила» их. Я просто шла рядом

с ним, и впервые за этот бесконечный день мне не нужно было держать корону.

Виталий открыл дверь пикапа, помог мне сесть и, прежде чем закрыть дверь, заглянул мне в глаза. В них не было жалости. Там было что-то новое — острое, как сталь, и горячее, как летний полдень. Это был взгляд мужчины, который не просто сочувствует, а заявляет свои права на защиту.

Я откинулась на сиденье, закрыв глаза, и услышала, как Виталий обошел машину и сел за руль.

— Они думают, что ты сломалась, — сказал он, заводя мотор. — Они все ждут, когда ты начнешь просить милостыню.

— Знаю, — выдавила я.

— Так вот, Надя. Мы сделаем так, чтобы они подавились своей жалостью.

Он рванул с места, обдав пылью крыльцо магазина, где в окне всё еще маячили три любопытные тени. Я смотрела на его профиль и понимала, что этот поход «в народ» закончился совсем не так, как я планировала. Я шла за солью, а нашла нечто гораздо более важное. Стену, за которой можно было не просто спрятаться, а накопить силы для ответного удара.

Мы выехали на окраину села, и Виталий вдруг притормозил у обочины. Он повернулся ко мне, и я увидела, что его руки всё еще сжаты на руле так, что побелели костяшки.

— Слушай меня, Надя. Я знаю, как заставить их заткнуться. Раз и навсегда. Но тебе придется мне довериться. Ты го-

това сыграть в одну игру, после которой ни одна душа в Ясном не посмеет назвать тебя «бедной брошенкой»?

Я посмотрела на него, чувствуя, как внутри просыпается азарт, который, казалось, умер вместе с моим браком.

— Что за игра, Виталий?

Он усмехнулся — хищно, совсем не по-братски.

— Мы дадим им то, чего они так хотят. Скандал. Но только на наших условиях.

Глава 11

В кабине моего старого пикапа пахло разогретым на солнце пластиком, пылью и тем самым едким, безнадежным отчаянием, которое источала Надя. Она сидела справа от меня, вцепившись в ручку двери так, словно та была последним поручнем над обрывом. Смотрела в боковое окно, и я видел в отражении стекла её профиль — застывший, высеченный из бледного камня. Она даже не моргала.

Я чувствовал, как внутри меня ворочается тяжелая, темная ярость. Там, на крыльце магазина «У Петровича», мне хотелось не просто забрать у неё эти проклятые мешки с солью, а развернуться и вынести дверь вместе с теми бабами, что шипели ей в спину. Жалость. Самый дешевый и самый вонючий товар в этой деревне. Они смаковали её позор, как свежую сплетню под семечки, обгладывали её гордость, прикрываясь фальшивыми вздохами.

— Надя, — позвал я, когда мы свернули на проселок.

Она не шевельнулась. Только пальцы на коленях сжались еще сильнее, до белых костяшек.

— Надя, посмотри на меня.

Она медленно повернула голову. Глаза — огромные, пустые. В них не было слез, и это пугало меня больше всего. Лучше бы она орала, била посуду или швыряла в меня эти мешки с солью. Но она просто выгорала изнутри, оставляя

после себя пепелище.

— Ты слышал, да? — голос её был едва слышным шелестом. — Всё село знает. Они жалеют меня, Виталь. Как побитую собаку, которую хозяин выкинул на трассу, потому что она состарилась.

— Они — стадо, — отрезал я, переключая передачу. موتور взревел, выплевывая копоть. — Им нужно шоу. Им плевать, кто прав, а кто виноват. Сегодня они сочувствуют тебе, а завтра будут обсуждать, как быстро ты завалила ферму и пошла по миру.

Мы въехали во двор «Орлиного двора». Я заглушил двигатель, и тишина навалилась на нас, как бетонная плита. Надя не спешила выходить. Она смотрела на наш дом, на эти аккуратные вольеры, на вывеску с гордым орлом. Всё, во что она вложила десять лет жизни, теперь казалось ей насмешкой.

Я вышел, обошел машину и распахнул её дверь. Помог подняться — спина у неё всё еще не разгибалась до конца, и этот её осторожный, болезненный жест вызвал у меня новый приступ злости на брата. Юра... Орел комнатный. Если бы я встретил его сейчас, я бы не ограничился парой слов.

Я занес пакеты в дом, кинул их на кухонный стол. Надя зашла следом, остановилась у окна и начала машинально поправлять занавеску. Снова и снова, разглаживая несуществующую складку.

— Хватит, — я подошел и перехватил её руку. Тонкое

запастье было ледяным. — Сядь, Надя. Нам нужно поговорить.

— О чем? О том, что я «запустила себя»? Или о том, что Юре нужно было «свеженькое»? — Она горько усмехнулась, не глядя на меня. — Они правы. Я превратилась в часть этой фермы. В инвентарь. А инвентарь меняют, когда он изнашивается.

— Слушай меня внимательно, — я усадил её на стул и сам сел напротив, почти касаясь её коленей своими. — Я прожил в городе пять лет. Я видел, как работают пиарщики, как создаются репутации и как они рушатся. Деревня Ясное — это маленькая социальная сеть. Здесь выживает не самый добрый, а самый зубастый. Сейчас ты для них — жертва. И они будут жрать тебя этой своей жалостью, пока ты не превратишься в тень.

Надя подняла на меня глаза. В них появилось слабое, едва заметное любопытство.

— И что ты предлагаешь? Выйти на площадь и крикнуть, что я счастлива?

— Нет. Кричать не надо. Нужно сменить картинку. Сменить сценарий, который они для тебя написали.

Я подался вперед, положив локти на стол. Мой план созрел еще там, на крыльце магазина, когда я увидел, как Петрович пытается всучить ей бесплатную соль.

— Им нужно шоу? Мы дадим им шоу. Но не то, которого они ждут. Сейчас все думают, что ты брошена, раздавлена

и одинока. Что Юра ушел к «королеве», оставив «квочку» кудахтать в навозе. А мы перевернем доску.

Надя нахмурилась:

— Виталий, я не понимаю...

— Пусть они думают, что Юра был не причиной твоего горя, а препятствием. Что ты не плачешь в подушку, а наконец-то вздохнула полной грудью. И что место «Орла» занял кто-то другой. Кто-то... помоложе. Понадежнее.

В кухне повисла такая тишина, что было слышно, как тикают часы в гостиной. Надя медленно, словно не веря своим ушам, переспросила:

— Ты предлагаешь... нам? Чтобы они думали... Но ты же его брат!

— Именно! — я перебил её, чувствуя, как азарт смешивается с чем-то более глубоким и опасным. — Это ударит по Юре сильнее всего. Его это не переживет, если выяснится, что жена не просто выгнала его за измену, а нашла ему замену прямо в его же семье. А деревня? Деревня перестанет тебя жалеть. Они будут в шоке. Они будут осуждать, будут шептаться о «разврате», но они перестанут смотреть на тебя как на побитую собаку. Зависть и возмущение — это щит, Надя. Зависть держит дистанцию.

— Это безумие, — прошептала она, качая головой. — Моя репутация...

— Твоя репутация сейчас — «несчастливая брошенка». Тебе она нравится? — я заставил её посмотреть мне в глаза. — Репутация «роковой женщины», ради которой мужчина бросил город и приехал в деревню чистить навоз — гораздо перспективнее для бизнеса. Люди потянутся посмотреть на это чудо. Поставщики побоятся тебя кинуть, потому что у тебя за спиной теперь не гуляющий Юра, а... я.

Я встал и медленно обошел стол. Остановился за её спиной, положив руки на спинку стула. Я видел её затылок, тонкие волосы, выбившиеся из пучка. Мне хотелось коснуться их, поцеловать эту бледную шею, но я держал себя в руках. Сейчас я был стратегом.

— Это будет фиктивный роман, Надя. Спектакль для зрителей. Мы будем появляться вместе. Я буду обнимать тебя за талию у магазина. Буду встречать тебя с почты. Мы дадим им картинку, от которой у них челюсти поотваливаются.

Надя резко обернулась, едва не задев моё лицо своим. Расстояние между нами сократилось до опасного минимума. Я видел каждую золотистую исконку в её карих глазах, видел, как дрожат её ресницы.

— Ты готов на это? — спросила она. — Стать изгоем вместе со мной? Ради чего, Виталий?

«Ради того, чтобы иметь законное право касаться тебя хотя бы на публике», — подумал я, но вслух сказал другое:

— Ради справедливости. Юра не заслужил эту ферму. И он не заслужил тебя. Я не дам ему победить.

Я наклонился ниже, опираясь руками на стол по обе стороны от её плеч, фактически заключая её в кольцо. Запах её кожи — мыло, летний ветер и немного лекарственной мази от спины — ударил в голову сильнее любого алкоголя.

— Я готов сыграть роль твоего любовника, Надя, — мой голос стал ниже, приобретая ту самую хрипотцу, которую я не мог контролировать. — Настоящего. Преданного. Такого, о котором эти бабы в магазине будут мечтать в своих самых смелых снах, глядя на своих храпящих мужей.

Я видел, как участилось её дыхание. Как она невольно засмотрелась на мои губы. Между нами сейчас вибрировало электричество такой мощности, что, казалось, лампочка над столом вот-вот лопнет.

— Вопрос только в тебе, — прошептал я, глядя ей прямо в зрачки. — Хватит ли у тебя смелости, Надя? Хватит ли у тебя дерзости рискнуть остатками приличной репутации, чтобы спасти свою гордость и этот дом? Чтобы стать не «бедной Наденькой», а женщиной, которой завидует всё Ясное?

Я ждал. Мое сердце колотило в ребра, как безумное, но лицо оставалось непроницаемым. Я предлагал ей спасение под маской игры, зная, что для меня эта игра может стать самым сладким и самым мучительным испытанием в жизни.

Надя молчала, и я видел, как в её глазах гаснет страх и разгорается тот самый огонь, который когда-то заставил её взять в руки метлу. Она больше не была «квочкой». Перед лицом опасности в ней просыпалась настоящая хищница.

Я почувствовал, как она невольно подалась вперед, навстречу моему дыханию. Еще дюйм — и фикция стала бы реальностью. Но в этот момент в кармане её рубашки надсадно зазвенел телефон. Надя вздрогнула, разрывая наш контакт, и выхватила трубку.

— Это... — она осеклась, глядя на экран. — Это Юра. Звонит с незнакомого номера.

Она посмотрела на меня, и я увидел в её взгляде решимость, от которой у меня по спине пробежал холод. Надя не просто собиралась ответить. Она собиралась нанести первый удар.

Глава12

Телефон в моей руке вибрировал так настойчиво, словно это было живое, злобное насекомое, стремящееся прокусить кожу. Незнакомый номер. Но я знала, кто это. У Юрия была привычка — когда его прижимало к стенке, он начинал звонить с чужих телефонов, свято веря, что я просто не могу не поднять трубку.

Я посмотрела на Виталия. Он стоял совсем близко, и я кожей чувствовала исходящий от него жар. Его предложение всё ещё висело в воздухе, безумное, дикое и пугающе заманчивое.

— Ответь, — негромко сказал Виталий. — Пос

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.